

**Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Ловушка**
Серия «Наружное наблюдение», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11288405
Наружное наблюдение. Ловушка / Андрей Константинов при участии Евгения Вышенкова и Игоря
Шушарина: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059207-4, 978-5-9725-1520-2*

Аннотация

...В петербургском Эрмитаже обнаруживается «кража века». На раскрытие преступления брошены лучшие оперативники города, включая сотрудников оперативно-поискового управления. Дело грозит стать «глухарем», однако в результате хитроумной многоходовой комбинации вора в законе Ребуса бизнесмен Игорь Ладонин попадает в следственный изолятор в качестве одного из главных подозреваемых.

Читайте первую книгу заключительной части трилогии Андрея Константинова «Наружное наблюдение. Ловушка»!

Содержание

Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Константинов, Евгений Вышенков, Игорь Шушарин Ловушка

© А. Константинов, 2009

© ООО «Астрель-СПб», 2009

* * *

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – художественное произведение, поэтому все изложенное в ней – авторский вымысел. Возможное сходство с реально существующими людьми, организациями и обстоятельствами – случайно, а любые расхождения – наоборот, закономерны.

Пролог

В этот мексиканский ресторан, что на Петроградской стороне, первая персона нашего повествования заходила редко. Персона эта являлась мужчиной в том возрасте, когда случайные прохожие еще обращаются к тебе не иначе как «молодой человек».

Мужчина был подтянут и резок. В двадцатых годах его могли бы запросто задержать на улице как бывшего офицера. Мужчина любил тихие и уютные кафе, и в этом мексиканском заведении ему не слишком нравилось, поскольку подобные места, вне зависимости от таланта дизайнера, все равно напоминали ему банкетные залы. С той лишь разницей, что бывшие наглаженные ВИА сменились на искусственно расхлябанных диджеев. Кроме того, здесь всегда имелся шанс запросто угодить на тусовку неизвестно чьих ухоженных детенышей, шумно демонстрирующих окружающим свое умение лихо распоряжаться родительскими деньгами. А наш герой (хотя, если разобраться, какой он, на фиг, герой?) всегда зарабатывал сам. Каким образом – это дело другое. Пожалуй, его заработок можно было охарактеризовать фразой, которую мужчина в молодости услышал от одного солидного арестованного. Тогда, помнится, он грозно спросил: «У вас есть алиби?» И арестованный в ответ радостно кивнул: «Разумеется! А вам в какой валюте?..»

Впрочем, для предстоящей встречи заведение вполне подходило. Здешние официанты его не знали, а камера видеонаблюдения была всего одна, да и та на входе. Так что если самому не упереться в нее взглядом, а зайти, как бы оглядываясь на припаркованную машину, то лица на записи будет не рассмотреть. На самом деле мужчина отлично знал, что никто никакую камеру просматривать не будет, но мыслил верно и старорежимно – если ты и в ванной при входе жены будешь переворачивать телепрограммку, то в нужный момент на твоём рабочем столе всегда будет перевернуто то, что захочет подсмотреть твой соперник...

До закрытия ресторана оставалось чуть больше часа, посетителей в зале почти не было. Мужчина обратился к официантке, которая несла на подносе два матэ для сидящих у аквариума парня с девушкой:

– Где тут у вас столик с розеткой? Вернее, рядом с оной? Мне бы компьютер подключить...

– Вроде второй справа, у окна. Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас подойду, – ответила та, указывая рукой.

– Эспresso захватите, двойной, – бросил он вслед тем корректным тоном, который не советовал медлить или приносить кофе холодным. А затем проурчал, втыкая штепсель в розетку: «Вроде – это у бабки в огороде. А мне нужно в самый аккурат».

Кстати, официанты (если, конечно, они хорошие официанты) мгновенно улавливают и настроение, и внутреннюю крепость посетителей. Девушка не сформулировала этого про себя, но почувствовала, что зашедший в столь поздний час человек в себе очень уверен и, судя по всему, не без основания.

Усевшись, мужчина еще раз оглянулся вокруг, проверяясь на предмет наличия камер – ничего не поделаешь, образ жизни вырабатывает привычки, которые со временем настолько врезаются в подсознание, что уже начинают напоминать инстинкты. Порой эти инстинкты раздражают, обещая превратиться в манию. Впрочем, увидеть эти особенности поведения может только такой же профессионал: воевавший всегда почует воевавшего, а для всех остальных он будет выглядеть совершенно естественно. Для большинства людей вообще все выглядит совершенно естественно, пока не выстрелили над ухом...

Включая ноутбук, мужчина как бы случайно уронил на пол зажигалку. Поднимая ее, он нагнулся и успел бросить взгляд на обратную сторону столешницы – нет ли микрофонов?

Совершив сей маневр, он сам себе слегка улыбнулся – маразм, конечно, но куда денешься? Зато теперь он был внутренне спокоен. А это важно.

Этот его жест не ускользнул от внимания в одиночестве сидящего за самым дальним столиком молодого парня лет двадцати пяти. «Чего это он? Проверяется, что ли?» – машинально подумал парень, который по роду своей деятельности в подобных вещах кое-что соображал. От нечего делать он наблюдал за новым посетителем с того момента, как тот перешагнул порог заведения, и сам для себя окрестил его «манерным дядькой». И действительно, с одной стороны, мужчина был одет весьма демократично. Так, знаете, рабочий вариант: джинсы, легкая вельветовая куртка, мокасины. Но с другой – было заметно, что вещи дорогие.

Меж тем официантка, улыбаясь, принесла кофе. Пусть это была всего лишь рабочая улыбка в дорогом ресторане, но все равно смотреть на нее и мужчине, и наблюдавшему за ними парню было приятно. Официантки же, как известно, всегда смотрят на клиентов с точки зрения возможных чаевых. А в данном случае, судя по внешнему виду, чаевые вполне могли иметь место.

Ничего примечательного во внешнем поведении припозднившегося посетителя более не обнаружилось, а потому офицер милиции, водитель оперативной машины наружки Паша Козырев (а это был он) потерял к нему интерес. Во-первых, в столь поздний час Паша находился здесь не по службе. Во-вторых, был он если не пьян, то, как минимум, крепко выпивши. И, наконец, у него и без того имелось о чем подумать и поразмышлять. Например, на кой черт он поперся в такое дорогущее заведение, где за пару часов спустил весьма серьезную для себя сумму?..

Внятного ответа на этот, не самый заковыристый, вопрос у Паши не было. Вроде бы и рабочая неделя выдалась не из самых напряженных, да и в будничной, внеслужебной жизни особых волнений и потрясений не случилось, а вот поди ж ты – захотелось выпить! До свода скул захотелось. Хотя... Скорее всего, именно от осознания факта, что ничего существенного не произошло и в обозримом будущем не предвидится, и захотелось.

И то сказать: жизнь Козырева в последние месяцы текла предсказуемо, внешне правильно и праведно. Приторно праведно. Ну получил он недавно старлея, а скоро вполне светит еще и старший опер. Ну машину новую дали (служебную, естественно). Ну зарплату прибавили. Впрочем, прибавили ощутимо: если бы не снимал комнату, вполне мог позволить себе отпуск в какой-нибудь Турции-шмурции. И что с того? Так и кати теперь с грузом по жизни до майорской пенсии?..

Что ж, если особо повезет, то лет эдак через десять есть шанс стать начальником гаража – вершина карьеры механика без высшего образования. Можно, конечно, поставить целью заочно закончить Академию МВД. Без блата это нелегко, но, теоретически, новоиспеченный Лямкин родственник вполне может устроить. Тогда есть шанс выслугу лет встретить толстозадый подполковником. Правда, и здесь не все так просто, ибо не подлижешь – не поедешь. Насмотрелся он на всех этих шлёмных и мышлаевских, которые за должность родную мать, может, и не продадут (а кто тогда с их сопливыми детьми сидеть будет?), но вот секреты Родины – запросто. Хотя, положила руку на сердце, какие там, на фиг, секреты? Объект «Гнусавый» встретился со связью «Картавый» и раскатал с ним жбан «Немирова»? О да, это серьезный секрет!.. Неудивительно, что по версии отдела собственной безопасности нет у подлых представителей организованной преступности иной задачи, кроме как завербовать одного из грузчиков.

А вот то, что грузчики эти в свободное от работы время, а то и во время таковой, за долю малую таскают коммерческих объектов, давно ни для кого секретом не является.

В том числе для самих объектов. Потому как сегодня они груз, а завтра, глядишь, уже потенциальные заказчики. Почему за малую? Да потому что большая до рядовых исполнителей просто не доходит, оседая в карманах все тех же шлёминых, мышлаевских и иже с ними. Все правильно: одним – весы и гири, другим – леса и горы. В этом и есть наша главная военная тайна. Если кто до сих пор еще не в курсе.

Но зато сколько пафоса на совещаниях! Сколько апломба и чуть ли не имперских амбиций!.. Бойцы невидимого фронта! Господа офицеры, чудо-богатыри!.. Мы на переднем крае борьбы!.. Если не мы – то кто же?! Так назначено судьбой для нас с тобой!..

Ага, щас! Судьба играет человеком, а человек играет в казино. Правда, не всякий человек. К примеру, младшему офицерскому составу пока не по чину. С другой стороны, есть к чему стремиться. Главное – не заморачиваться на деталях и не забывать лизать. Что же до гидры преступности... Так потому она и гидра, что победить ее в принципе невозможно! Все башки ведь не посрубаешь – запаришься.

В общем, философия немудреная, хотя и в ней без стакана не разберешься. Вот, собственно, поэтому Козырев и решил сегодня напиться. И не в шумной и предсказуемой компании грузчиков и механиков, а в гордом, гнетущем одиночестве. И не в дешевом, пропитавшемся запахом подгорелого масла и селедочным духом шалмане, а за чистой скатертью и с видом на экзотических рыбок в аквариуме. И не так, как обычно, – по-шоферски символически, а чтоб до положения риз! Благо, ксива была, как у взрослого, – на кармане. И вообще, как говаривал покойный бригадир Нестеров: «Да дайте же человеку раз в жизни спокойно!!!» Ну и вот она, мечта идиота, во всем своем великолепии... И что дальше? А дальше – гарантированная головная боль с утра и недельная бутербродная диета, должная закрыть пробойну в личном бюджете. Так стоил ли свеч этот геморрой? «Э-эх, надо было хоть Светку Лебедеву с собою взять!.. – в очередной раз укорил себя Паша. – Если уж вздумалось козлику в лес погуляти, то хотя бы по полной программе – с девочкой, с солеными огурцами и поездкой в номера. А так...»

Светка, сидевшая в их отделе на секретном делопроизводстве, сохла по Козыреву давно. Но пока у Паши тянулся красивый, хотя и невнятный роман с Полиной Ольховской, она разумно не вмешивалась в их отношения, понимая, что в данной ситуации ее шансы близки к нулю. Однако после того, как Полина ушла со службы и переехала жить к «богатому папику» (эту новость в Оперативно-поисковом управлении обсуждали месяца три, не меньше), Лебедева встрепенулась и перешла в контрнаступление. Не то чтобы эта ее войсковая операция завершилась безоговорочным успехом, но все же пару-тройку раз ей удалось затащить Козырева «в кино». Всякий раз сценарий такой «фильмы» был примерно одинаков: действие первой серии происходило в кафе (до кинотеатра все как-то ноги не доходили), а второй – в постели Лебедевой. Каких-то особых чувств к Светлане он не испытывал, зато общение с ней всегда было удивительно легким и в высшей степени беззаботным. К тому же и мужское начало не могло бесконечно только лишь начинаться. Ему, началу, периодически требовалось продолжение, и Светка, к чести ее (либо к бесчестью – это уж кому как нравится), отнеслась к этой козыревской проблеме с должным пониманием. К тому же на фоне других знакомых девушек Лебедева выгодно отличалась наличием свободной квартиры.

Вот так они и жили – периодически спали не врозь, но от детей благоразумно предохранялись. Показательный пример с залетом подружки Лямки и последующей вынужденной женитьбой заставил Козырева относиться к таким вещам в высшей степени осмотрительно...

В зале появилась официантка, и Паша изобразил рукой жест, означающий: «Барышня, счет, пожалуйста». Поняв, что голосом, внятно и членораздельно, произнести такую про-

стую фразу он уже не в состоянии, Козырев принял решение закругляться. Вот только тащиться к метро, а затем ехать к себе на Лиговку дико не хотелось. «Может, взять да и завалиться ночевать к Светке?» Это был действительно не самый плохой вариант, поскольку та жила минутах в пятнадцати неспешной ходьбы.

Козырев потянул было руку к мобильнику, но в последний момент все-таки передумал. «Да ну, к черту!.. Отказать, конечно, не откажет. Но ведь придется битых два часа сидеть, поддерживать светскую беседу. Не скажешь ведь вот так вот, с ходу: „Светка, я пьян, я устал, пошли в койку“. Да и с пустыми руками вроде как неудобно. А свой лимит на сегодня я уже перебрал, причем с избытком. Так что придется переться в метро...»

Рядом зацокала каблукками официантка. Пашка скосил глаза, и в поле его зрения случайно попал склонившийся за ноутбуком припозднившийся посетитель. Мужчина оторвал взгляд от экрана, скосил глаза на часы и поморщился. «Опаздывает твоя женщина. Или вообще не придет», – не без злорадства подумал Козырев. В самом деле, с кем еще назначать свидание в таком дорогом заведении и в такой поздний час?

Между прочим, подумал Паша правильно. В том смысле, что мужчина действительно пришел на встречу, а вот его визави опаздывали. А среди тех немногих обстоятельств, которые в этой жизни заставляли мужчину нервничать, была именно непунктуальность. Он был убежден, что в делах «палочки должны быть перпендикулярны», а посему всегда злился, когда опаздывали к нему, и еще больше – когда опаздывал он сам. Часы над стойкой бара показывали 22:50. Встреча должна была начаться десять минут назад, и настроения это не улучшало. Тем более что он специально назначил на «неровное» время, дабы проверить точность своих собеседников.

Накануне ему позвонил старый деловой приятель по известному только троим-четверым номеру и попросил об одной услуге. Услуга эта состояла в том, чтобы в течение двух академических часов дать консультацию по вопросам обеспечения информационной безопасности бизнеса. Это если выразаться красиво и нейтрально. А на самом деле нужно было за полтора часа рассказать двум незнакомым любознательным парням про некоторые особенности проведения кое-каких специальных технических мероприятий из ОРД.

Необходимо заметить, что подобный короткий импровизированный семинар оплачивался как выступление поп-звезды среднего калибра в дорогом ночном клубе. С той лишь разницей, что «попы», они с коллективами приезжают, а в его деле «третий – лишний».

Время от времени мужчина не отклонял подобные предложения. Потому как, если будешь иметь сто друзей – будешь иметь сто рублей. Думал ли он при этом о том, что раскрывает некоторые секреты родины? В принципе, о том, что он довольно цинично нарушает служебную тайну, мужчина, конечно, знал, но такие мелочи его взволновать не могли – у него на одном только рабочем столе этих самых секретов было, как на гуталиновой фабрике гуталину.

Последние два года мужчина занимал такую должность, на которой через предусмотренный в положении о службе срок на его погоны с двумя просветами упадет еще по одной большой звезде, и тогда он станет настоящим полковником. Руководить серьезными коллективами он умел, «политику партии» чуял. Он отлично знал, что если реальность с последней расходится, то... тем хуже для реальности. Фактически им руководил даже не начальник его управления, а некто из высоко. А для высоко было аксиомой, что если факты не сдаются, то их побеждают. Немудреная алгебра, не правда ли? При этом их подразделение отправляло за решетку не только мелочь, но и... Словом, того, кого надо. А самая сокровенная мечта была в том, чтобы жулики жуликовали только там, где им бы (в данном случае, естественно, ему и К°, а не жуликам) хотелось.

Кстати, после полковника его собирались на пару лет поставить начальником областного подразделения в провинции. А некоторые губернии у нас, между прочим, поболее,

чем некоторые страны в Европе. А оттуда уже и до лампасов недалеко. А где лампасы, там и Москва. А где Москва, там и Кремль. Такая вот своего рода Пулицеровская премия...

Козырев гусарским жестом оставил в кожаной книжечке-счете двадцать рублей чаевых и не самой твердой походкой направился к выходу. В дверях он притормозил, пропуская внутрь двух стильно, хотя и разношерстно одетых уже не выюношей, но мужей. Первый, повыше ростом, был в черной байкерской куртке с гоночными нашивками, начиная с «Курт Кобейн жив» и заканчивая слоганом десанта США «Рожденные в небе». Второй был в холщовом мятом костюме и в туфлях с острыми носами. Даже Паша, который слабо ориентировался в ценниках недоступных шмоточных магазинов, с ходу прикинул, что такие ботиночки стоят долларов под четыреста.

Выйдя на улицу, через витринное стекло Паша увидел, как эти двое прямиком направились к столику посетителя с ноутбуком. «Похоже, на этот раз дедукция меня подвела, – автоматически отметил Козырев. – „Манерный дядька“ поджидал вовсе не барышню, а эту сладкую парочку. Интересно, что между ними общего?.. Может, они педики?..»

Это предположение, кстати сказать ничем не обоснованное, его почему-то очень развеселило. Довольный собой, он перешел дорогу и неторопливо двинулся в сторону «Петроградской». Если бы в этот момент Паша мог предположить, что в относительно недалеком будущем сия троица станет причиной если не судьбоносных, то, по крайней мере, весьма крутых перемен в его жизни, он наверняка постарался бы не просто задержаться в этом ресторане, но и попытаться уловить содержание их беседы. Но, увы! Предугадать нам не дано, чем их слова нам отольются...

«Ученики» зашли в ресторан с опозданием на пятнадцать минут, но при этом никаких признаков торопливости не обнаруживали. Обоим на вид было слегка за тридцать. Выглядели и держались уверенно. Пока они подходили, «белогвардеец» распрямился в своем уютном кресле-стуле, резким движением двумя большими пальцами чуть заправил на спине рубашку и, так же как и Козырев, отметил для себя, что с модой во времени парни не промахнулись: одеты стильно, со вкусом, хотя и по-разному. Даже ботиночки за четыреста долларов не ускользнули от его профессионального взгляда. Но ведь дороже, согласитесь, и не надо – чай, не депутаты Госдумы.

– Рады знакомству, – за двоих поприветствовал тот, что был в байкерской куртке, и подвинул к себе стул. Рук они друг другу, разумеется, не протянули.

Здесь «разумеется», так как есть определенная условность в некоторой вежливости, которая исходит к дремучим законам хрущевского искоренения преступности под ноль. В самом деле: подашь соспеху случайному знакомцу лапу, а паренек-то «дырявый»! Или – подашь пятерню, а через час его, собеседника дорогого, валить. Нелогично ведь!

Вместо ответа «белогвардеец» немного театрально, с юмором, как в немом фильме, вскинул запястье с часами, чтобы укорить в опоздании.

– Не по государевой зарплате хронометр, а? – присаживаясь, не совсем верно отреагировал один из подошедших на блеснувший швейцарский «Лонжин».

– А зовут меня Павел Андреевич, – на ходу придумал себе имя и отчество «учитель». – И четверть времени, за которое мне заплатили, уже прошла. Поэтому если вы хотите поговорить со мной о проблемах декларирования чиновничеством своих подспудных творческих активов, то я готов к жесткому диспуту, но... По «лонжиновской» таксе. Вас семантика моей речи не смущает?

– О'кей, – улыбнулся тот, что в мятом костюме, понимая, что мужику палец в рот не клади, а клади деньги, и в руку.

– Да, кстати, а у вас что, «командирские»?

– Ладно, ладно! Торопились мы. Честное бойскаутское! – примирительным жестом поднял перед собой обе руки знаток дорогих часов. – Меня Эдик зовут, а этого legionera пампасов – Стас.

– Как вас звать, хлопцы, мне, в принципе, неважно. А вот вы имена свои настоящие зря называете, уж поверьте. Предлагаю такой вариант: никто имен друг друга более не называет. Звать вас я буду мистер Серый и мистер Чёрный. Не согласны?.. На-пле-вать, – спокойно и без оскорбляющего вызова произнес «учитель».

– А с чего это мы с порога и бешеные¹? – поинтересовался Стас, улыбнувшись.

– Хорошо – не бешеные... – отмахнулся тот. – Но ведь псы?

Эдик не очень понял, но для него это было неважным. Зато он чуть было не вспыхнул из-за иного: только сейчас до него дошло, что фраза за «командирские» часы могла намекать на их принадлежность к органам. В принципе, так часто бывает, когда люди говорят на одном языке.

Стас посмотрел на официантку, и та мгновенно подошла к их столику.

– Три эспresso и спички принеси, – сказал он ей, при этом разжевывая сказанное руками так, что его понял бы и китаец.

– Три? – все равно переспросила девушка в переднике с ацтекским узором. Похоже, движения его тела ее запутали.

– Дос – по-испански – это два. А трэс – три. Это три коротких эспresso, – сыронизировал Стас.

К его удивлению, девушка не растерялась, а, улыбнувшись, ответила бодро, отдав честь:

– Пасаремос! – и ушла за заказом.

Конечно, для официантки это было не слишком уместно, но настроение посетителей она почувствовала правильно, поэтому получилось в тему.

– Хороший человек, – заискрились глаза у Стаса.

– Конечно! – раскатисто поперхнулся «ничем» Эдик и намного тише, как сплюнул в сторону: – Небось уже трехлитровую банку спермы сглотнула!..

Стас зло отвернул лицо.

– Итак: попробуйте четко сформулировать суть интересующих вас вопросов, – недовольно начал Специалист, обращаясь к Эдуарду.

Произнося эту фразу, он подумал, что мистер Серый вряд ли окончил школу с углубленным изучением испанского языка, но, скорее всего, много путешествовал, а потому внимателен и отчасти романтичен.

Стас улыбнулся и, чтобы немного снять возникшую напряженность, рассказал анекдот: «Рыбак достает из банки червяка, а тот и говорит: „Мужик, ты очень резко не подсекай, а то уши закладывает!“»

«Учитель» искренне рассмеялся:

– Смешно!..

Ухмыльнувшись еще раз, он прогнал историю с червяком через себя, чтобы лучше запомнить. Завтра вечером он расскажет этот анекдот своему знакомому сенатору из Сов-Феда и поднимет его настроение.

– Слушаю.

– Да случилась тут у нас... канитель одна... Короче, тему настроили, как в Большом театре арфу. Недельку шлифовали. Сам сын турецкоподданного лучше бы не выстроился. Главное, оригинально было... – чуть туманно, но уже по существу заговорил Эдик.

– Ну, никто подробностей знать не мог! – язвительно подхватил Павел Андреевич.

¹ Мистер Серый и мистер Чёрный – персонажи фильма Квентина Тарантино «Бешеные псы».

– Если только третий глаз у кого из красных не открылся... – продолжил рассуждать Эдик.

– В общем, деньги мы потеряли большие, – подытожил Стас, немного сетуя прилагательным «большие». – Флики знали, где собаке порыться. «Слушали» нас.

– Не может быть! – «ахнул» Павел Андреевич. Его слова прозвучали почти насмешливо, и в другой ситуации после таких интонаций вечер легко мог перестать быть расслабленным.

– Короче, козу ностру останавливать не будем, но повторения мы не хотим. Отсюда вопрос – как работаете вы? – Эдик очень постарался не обратить внимание на иронию.

Специалист окончательно убедился, что ему не послышалось: Стас, то есть мистер Серый, действительно говорил с акцентом: то ли Прибалтика, то ли вообще Пиренеи. Странно, и кожа смуглая, обветренная... Но не солярий – точно. К «несолярию» добавлялась скрытая внутри этого человека пружина вкупе со способностью ударить, уловив отражение врага в немытой витрине.

– Если я правильно понял, вас интересует, какие именно оперативно-технические мероприятия возможно осуществить в целях контроля общения? А также методика их выполнения и приемы ухода от такого рода наблюдения? Правильно? – вслух произнес он.

– Слушайте, ваше превосходительство, – огрызнулся Эдик, давая понять, что знает, откуда взялось имя «Павел Андреевич». – Мы в школу абвера «Рига-два-два» опоздали, а из уругвайской контрразведки наши анкеты вернули почтой – ценз образовательный не прошли наши аттестаты колхозные. Посему давайте ближе к народу выражаться.

– Это мы-то с тобой народ? М-да... – прикуривая от фирменных спичек редкий «Житан», поднял брови Стас.

А Эдик добавил:

– Полосатые курсанты к началу занятий по информационной подготовке готовы!

– Ну, до «тигров» дело не дойдет, – поморщился Стас, подразумевая полосатую черно-серую робу особо опасных рецидивистов в лагерях.

Специалист «разбудил» ноутбук. Пока техника просыпалась, он уловил, что и Стас неплохо осведомлен о нюансах лагерной жизни РФ. «А что сиженый, вроде не похоже...» – удивился «учитель». Он достал несколько бумаг из своей папки, положив их перед собой текстом вниз, и, вздохнув, приступил к лекции:

– Интересные вы пассажиры, говоря вашими ассоциациями. Да, пометьте себе на ум, чтобы не забыть: может, в вашем коллективе «стук-постук» – дятел появился? Если так, то найдем и его, правда, это очень дорого. Но – как это у классика? – «Начнем, пожалуй». Спецслужбы, не побоюсь модной терминологии, сегодня могут не все, но очень многое. Для одних это хорошо, для других – не очень. Марксизм! В конечном итоге все зависит от степени технической оснащенности, степени заинтересованности и банального человеческого фактора. Без последнего, кстати, никуда. Сколько великих замыслов было загублено (а сколько бездарных спасено!) рядовыми исполнителями. Это закон жизни: «Договариваться нужно не с генералом, а с прапорщиком. А в идеале – с обоими». Но принципиально все начинается одинаково: любые мероприятия кто-то сначала иницирует, потом их санкционируют, ну а потом исполняют. Здесь, я надеюсь, понятно?

Стас и Эдик синхронно кивнули. Лица их при этом сделались спокойными и серьезными.

– Ну а раз понятно, пойдем дальше. Примите как данность: если неглупый оперативник будет вести вашу разработку и будет знать, какими возможностями обладает техническая служба его ведомства, то найти типовой бланк задания, заполнить его без грамматических ошибок и украсить необходимыми автографами у него получится, если не с первого, так со второго раза. Выглядеть это будет примерно так...

С этими словами Специалист перевернул одну из лежащих перед ним бумаг.

– Можете ознакомиться для общего развития. Потому как на бином Ньютона все равно не тянет.

Пока слушатели рассматривали заполненный непонятным «медицинским» почерком типографский бланк, в верхнем правом углу которого недвусмысленно значилось «сов. секретно», наставник продолжил:

– В принципе это все, что вам нужно знать по теории вопроса. Дальше пойдем по вещам прикладным, причем в научно-популярном ключе. Квантовая физика, она ведь тоже – два тома по двести пятьдесят страниц для начинающих. Но если интересно рассказывать, то часика за полтора, в чем там проблема, объяснить можно... А посему делаем ударение на словосочетании «технические возможности». Запомните: слушать вас можно по-разному, и принципиально ничего поделаться с этим вы все равно не сможете. Отсюда ваша задача: во-первых, помнить об этом, а во-вторых, научиться с этим жить. Жить хотите?

Последней фразой он вскинулся и, не надеясь на ответ, продолжил:

– Для примера: не стоит в общественном месте пытаться разглядеть направленный микрофон – у них удаление до пятидесяти метров, так что все равно не увидите. Нужно просто всегда думать, что он есть и батарейки в нем отнюдь не севшие, поэтому пишет он четко. А коли так, то за речью своей надо следить и по возможности разговаривать образами, ассоциациями личными, словом, так, чтобы смысл до конца понимали только вы и ваш собеседник... Идем дальше: в полевых условиях «кафе – улица» ваш разговор может слышать сотрудник наружного наблюдения. Увидеть наружку можно, но это другая история и разговор отдельный. Если стоит задача полного контроля, то радиомикрофоны ухитряются прикрепить и на одежду, и в машину. Или устанавливают стационарные в квартире. Последние, кстати, лучше всего по качеству. Они, как правило, дают неплохие результаты, но при этом очень трудоемкие и зависят от массы частных случаев, так что используют их редко, только по особым случаям...

– А для нас каждый такой случай в России – особый, – вставил Стас.

– А вот комментировать меня не нужно! – огрызнулся Специалист.

Он видел, что ребята не из пугливых, но своими репликами они его отвлекали. Глотнув кофе, «учитель» агрессивно продолжил:

– А что касается географического места Русь... В Немецчине я вам также не советую на всю ивановскую кричать. Тем более что демократия и коза ностра у них сочетание довольно сомнительное. Продолжим... Никогда не говорите «прослушка» и «слежка». Вы джентльмены удачи или журналисты?! Запомните, есть мероприятие «двойка», или ПТП². Не забывайте, как расшифровывается ПТП, – просто ПТП. Ферштейн?

– ДТП... ПТП... – поразмышлял вслух мистер Чёрный, скрипнув кожей щегольской куртки.

– Основной принцип всех разведок мира: ноль информации всегда лучше, нежели ложь. Лжи надо учиться, ложь можно распутать. Самое страшное оружие – молчание. Я бы его вообще запретил в эфире специальным указом.

– Это как в прокуратуре пятьдесят первая статья? – с ухмылкой понял Эдик.

– А ты что, людей убивать собрался? – конкретизировал Спец.

– Да Господь с вами!

– Тогда видь разницу: есть прокурорские подследственности, а есть ментовские. Я это говорю не для того, чтобы цепляться, а для того, чтобы вы услышали нюансы. Нюансы – это бахрома. Именно в ней все и всегда путаются. Вам не надо знать тонкости. Знайте одно: прослушать можно все и всех.

² ПТП – прослушивание телефонных переговоров.

– Даже вашего Путина? – оживился Стас.

– Естественно. Теоретически и его. У него ведь «Билайн». Но ни мне, ни вам это не грозит. И слава богу! Итак: считайте, что априори вас слушают всегда и по любому телефону. Теперь внимание! При деловых разговорах называйте себя прозвищами других людей, а героям второго плана давайте свои прозвища. У вас есть дольщик, который косноязычно говорит? Тогда назовите его, скажем, «филолог», а местом его работы пускай будет не торговый центр, как есть на самом деле, а Университетская набережная. Таким образом, кто-нибудь, распутывая бахрому, подумает, что ваш компаньон окончил филологический факультет ЛГУ, что на той самой набережной. Но, честно говоря, это не мудрено. А вот найти настоящего выпускника, замазанного в криминале, да создать из него свою матрицу, да поместить в свой мир, чтобы навести на ложную цель... У-у!.. – Специалист завороченно ухнул. – Но это уже и не наш департамент, а ПГУ.

– В смысле: ГПУ? – неправильно расшифровал мистер Чёрный.

– В смысле: СВР, Служба внешней разведки. И еще – постарайтесь обойтись без дешевой конспирации. У нас тут одни красавцы пару лет назад на Кумарина покушение готовили. Так мало того, что на видеокамеру снимали, как он по городу катается, так еще и друг дружке на пейджер сообщения слали. Что-то типа: «„Безрукий“ обедает в „Европейской“, машина та же, смени меня, бабу хочу». А ведь это каждому молодому оперативнику известно, что псевдоним агента или объекта чаще всего может быть производным от фамилии или указывать на какую-либо особую примету. Теперь, кстати, и вы в курсе...

– Запутаемся, – серьезно заметил Эдик.

– Тогда вас стреножат. Считаете, что занимаетесь серьезным делом? Тогда считайте, что и я серьезен. Кто знает, может, и я вас когда-нибудь слушать буду.

Стас и Эдик переглянулись.

– А как вы хотели? Или, может, вы решили, что теперь мы братья? Ни хрена! Не пожалей – выведу за амбар без сапог по мокрой росе и шлепну.

– Рахмат, – натянуто улыбнулся Эдик.

– Мы тоже кое-что умеем... – добавил Стас.

– Мэй би, только не в моей профессии... Следующее и главное: интонации разговоров на бумаге не передаются. Так что необязательно искрометно шутить. Вот, читайте, как пример...

Специалист передал каждому из них по отксерокопированной странице сводки ПТП.

секретно

экз. един.

Разослать:

Романов Н. Н.

Рыбаченко С. С.

Соколов А. А.

СВОДКА № 4 Рег. № 0332/1237с

По объекту ПТП-С-37–1676–03 за 25.04.2003

13:26:23–13:29:16 Вх. 9094354

(Леша (Л) разговаривает с Сашей (С))

Л – Ты когда приехал, в субботу?

С – Нет, э-э, в пятницу вечером, «Красной, э-э, стрелой».

Л – Ну и как столица, бурлит?

С – Да не говори, от вокзала до этого, э-э, бизнесцентра навороченного два часа перлись, пешком быстрее.

Л – Ясно. Как там партия и правительство? К нам собираются?

С – Да, рядами и колоннами с ВВП во главе.

Л – Я вчера сюжет в новостях видел – в Эрмитаже кондишены новые ставили. Ну, типа, чтоб высокие гости не вспотели.

С – И что такого? Правильно делают.

Л – Да у меня идея родилась классная: если б террористы творчески мыслили, взяли бы и закачали в эти аппараты газ какой-нибудь страшный, и, когда президенты пойдут с Пиотровским, как фыркнуло бы на весь мир.

С – Да, фэсэошники, э-э, к такому точно не готовы.

МН 0332/1237с

Копий не снимать, аннотаций не составлять

– ...Дошутились, Петросяны! – продолжил Специалист после ознакомления «мистеров» с бумагами. – Это ж на трехсотлетие было! За ними тогда с месяц ходили и чуть ли не в задницу заглядывали. Плюс ко всему у этих друзей строился дорогой магазин, и не в Коломягах за оврагом, а где-то на пути следования кортежа. Так вот, магазин, конечно, открылся, но не сразу, а месяца через два после трехсотлетия. Они, дурилки картонные, до сих пор не ведают, отчего и пожарные их драконили, и СЭС свирепствовала, и участковые молдаван выселяли, и так далее и тому подобное... Короче, жидкое дерьмо черпали большими деревянными ложками. Смешно?!

– Животики надорвали, – за двоих ответил Эдик.

Ему все больше нравилась эта «лекция», и он уже жалел о том, что по дороге в ресторан взялся подвезти до «Горьковской» двух симпатичных студенток, ждавших маршрутку на Большом проспекте. Там и ехать-то две минуты, но пока уговаривали... вот и получилось четверть часа познавательного общения в минусе.

Плавная, сбиваемая юмором и метафорами речь Специалиста, как туман, обволокла и Стаса. Он вроде бы слушал, но думал при этом о том, что этого мужика им бы тогда в Южную Африку! Как советника, а то французы в тот раз больше на выживание налегали. А ведь в этой самой Африке, где большие крокодилы, есть и огромные многомиллионные города со своим подпольным миром, оснащенным такими же техническими средствами...

– Еще момент, не под запись, – продолжал давать информацию Специалист, и после этих слов Стас «проснулся». – Трубка с сим-картой связаны, как шерочка с машерочкой. Поясняю: если есть конкретная трубка, значит, можно установить все симки, которые в нее когда-либо вставляли. То есть судьбу ее трудную поднять и развернуть.

– А можно поподробнее! – попросил Серый.

– Можно. Только вам не подробности нужны, а сам принцип и примеры яркие, чтоб в памяти остались. Иначе говоря, видно, как трубка из рук в руки ходила. Соответственно, можно определить всех ее владельцев. Их, кстати, именно так и ищут. Ну, не с краж карманных, конечно, но по серьезным преступлениям ищут и находят. По убийствам, например. Ты купил трубку в скупке, сэкономил вроде, доволен, сидишь названиваешь, а через неделю приходят два опера с выемкой: извините, мол, трубка ваша с трупа нашего, расчлененного. Вещественное доказательство – вынь да положь. Спасибо, до свидания...

– Дела! Это ж я так по двухкопеечным автоматам скоро скучать начну... – задумчиво произнес Эдик.

– Мы трубки в скупках не берем, – чуть возмутился Стас.

– Знаю – мать писала. Вот вам такой факт: в Колумбии деловые люди меняют трубки и сим-карты каждые двенадцать часов, – не останавливался Специалист. – Но мы не в Колумбии, а посему просто имейте по два телефона: один для всех, другой только для связи между вами. Номера второго никому не давайте и, если вдруг на него позвонит кто-нибудь и спросит Машу, долго не раздумывайте – выбрасывайте его в Фонтанку, целее будете...

– Вопрос у меня, Павел Андреевич, – услышав паузу, встрял Стас.

– Давай, удиви креативом... Чай будете?

– Можно и почифировать, – улыбнулся Эдуард.

Он заказал черный чай с лимоном и вернулся к разговору:

– Не слышу вопроса, мистер Серый.

– А как делают так, что на местности в городе тебя находят по сотовому?

– Вроде даже в «Мегафоне» услуга такая есть для всех. «Радар» называется или «Пеленг», – вспомнил мистер Чёрный.

– «Локатор» она называется, радисты, – резко ответил Специалист. – Работает по принципу базовых станций – это вышки такие с антеннами, которые по всему городу и области понатыканы.

– И много их в Питере, например?

– У «Мегафона» уже за четыреста.

– Вопросов нет.

– А нет, значит, слушаем дальше: каждый звонок проходит через ближайшую к тебе станцию с известным адресом, и вся эта информация остается в компьютере – вот и весь секрет фирмы.

– Нормально! Да ну его к лешему, этот технический прогресс. Не телефон, а маяк за пятьсот баксов в кармане носишь! – осерчал Эдик.

Девушка принесла заказ и поставила рядом с чайником маленькие песочные часы. Песок тоненькой струйкой побежал вниз.

– Это что, типа пять минут до закрытия заведения, что ли?.. – удивился Стас.

– У Бродского есть такие строчки, если помните: «А что на свете происходит без усилий? Течение времени, Василий», – глубокомысленно продекламировал Специалист.

– Не понял, – нахмурился Эдик.

– Это фишка такая, чтобы чайник раньше времени не дергать, пока не заварится. Здорово придумали, – догадался Стас.

– Кстати, по поводу манерных трубок тоже замечание имеется. Искали мы, помню, мошенника одного серьезного: банковские вклады, левые кредиты... в общем, с высшим образованием был человек, интересно работал. Так вот, снимал он деньги по карте в банкомате, про камеру знал, а потому кепку нацепил, очки темные. Словом, ни узнать, ни опознать. Вот только один момент: пока он в очереди к банкомату стоял, по сотовому разговаривал. Это на записи очень хорошо видно было, а потом, когда он карточку-то в банкомат пихал, то трубку так в руке и держал. Так вот вторая камера, та, которая не в лицо, а на руки направлена, трубку эту отчетливо запечатлела. Модель телефона была редкая, дорогая. Поэтому, когда записи подробно смотреть стали, оказалось, что в это время только три таких трубки в окрестном районе и разговаривали... Ну, дальнейшее объяснять не надо.

– И что с ним случилось? – поинтересовался Эдик.

– Сейчас анализирует теорию относительности.

– Это как?

– А так, что когда ходит, лежит, стоит, то все равно получается, что сидит, – развел руками Специалист.

– Тут вот какое дело, Андреич... Ты же понимаешь, бизнес у нас такой специфический – дальше некуда, – понизив голос, начал Эдуард. – Если кидок и жив останешься, то в ментовку заявлять не побежишь...

– Поэтому общаться приходится много. И между собой, и с людьми разными. А с вашими технологиями не то что лишнее слово сказать – лишний раз звонить не хочется, – добавил Стас.

– Ну, вы тогда на печке спали, когда мы Варшаву брали, – не смог удержаться, чтобы не съязвить, Специалист.

– А как дальше жить-то, профессор? Вас, к слову, не интересует, почему нынче опиум для народа? – вроде бы пошутил Эдик, но это был вопрос.

– Меня эти нюансы абсолютно не волнуют. А вот вы проговариваетесь и уже даёте мне информацию. На данный момент – совершенно лишнюю, – отрезал Специалист.

– Извини, занесло на повороте, – поправился Эдик.

– Попробуйте для конспирации устроиться – хотя бы формально – на работу. А если Интернетом не умеете пользоваться – учитесь. Создайте по почтовому ящику и пишите туда. Примерно раз в неделю удаляйте все и создавайте снова, но с другими адресами.

– Так у нас компьютеров нет. Да и к офису будем привязаны, – засомневался Стас.

А Чёрный заржал:

– Некоторые ради денег могут пойти на все, даже устроиться на работу!

– В городе полно Интернет-кафе, большинство работают круглосуточно, вот и пользуйтесь, но к одному месту тоже не привыкайте, – объяснил Специалист, плохо сдерживая ухмылку.

– Это все хорошо, только письма – не разговор. А иногда нужно срочно перетереть и нет времени выражения выбирать? – ставил новые задачи Эдик.

– Тогда используйте чаты, их тоже навалом на любой вкус, – предложил Специалист. – Например... по собаководству. Псевдонимы себе придумайте и общайтесь. Не прямой речью конечно, но близко к тексту можно и достаточно безопасно, если только сами никому не расскажете.

– Мы что, на хакеров из ЦРУ похожи? Я и слов-то таких не знаю – «чаты», – возмутился Стас.

– А я тоже не компьютерный ликбез для вас провожу, – парировал Специалист.

Неожиданно у Эдика запиликал телефон, он ответил и через секунду переменился в лице.

– Летчик ты кукурузный!.. – почти крикнул он в трубку. – Опять почки неправильно сработали – моча в голову ударила?!

Выслушав ответ, добавил уже спокойнее:

– Не умеешь договариваться – страдай. Но за свой счет!

После этого он сбросил звонок. Сидевший напротив Стас только ухмыльнулся – очевидно, он понял, что произошло.

– Что, красные в городе? – поинтересовался Специалист.

– Да так, парень один, с делами нам помогает... Только что права забрали за двойную сплошную, а завтра за город нужно ехать...

– У таких помощников я бы сам право на долю отобрал, – спокойно заметил Спец.

– А у тебя на примете есть нормальные парни – этой блевотиной теплой заниматься? – огрызнулся Эдик. – Нет? Тогда давай, дьявол, учи пулемету!

– Э, нет, милые мои, на сегодня все, время, оно не резиновое, – еще спокойнее ответил «учитель».

Стас посмотрел на часы. Они показывали 00:15 – время занятия действительно истекло пять минут назад. Добавил про себя: «Кое-что усвоили».

Они вместе подошли к кассе, чтобы не ожидать расчета. Специалист достал бумажник.

– Я заплачу, – сказал Эдик и протянул девушке кредитную карту «Visa». Пока та выполняла необходимые операции, Специалист тихо сказал:

– Совет в порядке бонуса: платите наличными. Карты удобны, но информативны, почти как сотовый, а вам это ни к чему.

– Спасибо, учтем, – уважительно ответил Эдик.

А Стас добавил:

– Было очень интересно познакомиться.

– И вам не скучать! – Специалист толкнул от себя входную дверь.

Когда мистер Серый с мистером Чёрным вышли на улицу со словами последнего: «Надо бы подтянуть этого чекиста на договорной основе...» – Специалист похлопал его по плечу, внезапно нарисовавшись из-за ниши около входной стеклянной двери.

Эдик не покраснел, но незаметно смутился.

– ...А напоследок небольшой постскриптум, чтобы снять напряжение. Студент хвастается перед товарищами в аудитории: «Из разного хлама собрал собственноручно отличный радиоприемник. Всю Европу ловит!» Тут неожиданно входит преподаватель, слышит это хвастовство и вставляет: «Да, и всю сразу!»

– Грамотно... – по-доброму улыбнулся Стас. – Научи, разведка!

– Тогда вам необходимо срочно бросить пить и курить, – потребовал Специалист.

– Внимание притупляется?.. – буркнул Чёрный.

– Да нет. Просто копите деньги, чтобы счет оплатить.

И они во второй раз не пожали друг другу руки.

Ребятки уселись в неверно припаркованную спортивную «тойоту»-купе, вырулили, остановив поток, и пересекли в нужном им направлении сплошную двойную.

«Если можешь так ездить, то давай...» – подумал Специалист, открывая со скрежетом дверь служебной сине-зеленой «девяносто девятой» с несуществующими номерами, которая стояла в грязном дворе за входом в ресторан.

Выезжая и пропуская поток, он поговорил по телефону. В данном случае ключевыми словами для нас были следующие: «...не в коня корм. Никто и не сомневался... Номер срисовал, секунду их телефонного разговора запомнил, чек от карты незаметно взял себе... Единственно, что радует: эти не сдадут – ни друг друга, ни нас...»

Переключаясь со скрежетом с первой на третью скорость (вторая не втыкалась), наша персона подумала о том, что неплохо бы этого Стаса использовать. Вот только где и как... «Начнет бодаться – поднимем веки, и полный перитонит!» – решил Спец, после чего эти его мысли оборвал модный сигнал эскорта из двух блестящих машин от которого Специалист презрительно уклонился в сторону...

Выйдя из управления, он сел в новенькую «Ауди-100» и уехал в свой загородный дом с камином и кондиционером.

Глава первая

– Вам известно постановление Ученого совета? – осведомился Тоций.

– Мне, товарищ Демин, известно, что понедельник начинается в субботу, – угрюмо сказал Корнеев.

Братья Стругацкие.

Понедельник начинается в субботу

Санкт-Петербург, август 2006 года

Если и случается в Питере солнечный день, тем более день летний, когда после долгих месяцев холода и сырости замученные простудами горожане могут выйти на улицу с настроением «погодка шепчет», да к тому же суббота, то куда устремляется большинство населения? Естественно, на острова, на Елагин и Крестовский. «В ЦПКиО», как говорят те, кто, несмотря на имперские претензии Петербурга, все равно называют свой город Ленинградом. Потому что учились они в ленинградских школах, и бабушки у них жили здесь в ленинградскую блокаду, а внутренне это гораздо ближе, чем «окно в Европу».

Вот и сегодня утром, обсуждая на кухне, как провести семейный выходной, Смолов так и сказал жене и дочке:

– А давайте махнем в ЦПКиО?

Женщины долго думать не стали. Еще бы! Папка дома, да к тому же на целый день! Да раз такое дело – мы готовы хоть на матч «Зенит – Спартак» в фанатский сектор!..

Собрались быстро. Жена, даром что профессорская дочка, интеллигенция в четвертом поколении, но семь лет гарнизонной жизни, как ни крути, дисциплинируют. Из Купчино через Центр проскочили без пробок, а вот на самом Крестовском пришлось помучаться с парковкой – желающих вкушать не балующего своим вниманием питерского солнышка было хоть отбавляй. Но кто ищет – тот находит, и Смолов с ювелирной точностью втиснул свои «Жигули» между фонарем и киоском «Роспечати». Автомобиль сиял чистотой, его пришлось помыть после того, как кто-то из коллег-шутников написал на пыльной крышке багажника: «Машина охраняется клопом-спидоносцем».

Народ в парке был разный, все разбредалось по интересам: кто на яркие шумные аттракционы, кто подальше и потише, к Елагину. Дочка, конечно, сразу потащила в «Диво-Остров», на карусели.

– А тебе плохо не будет, Терешкова? – поинтересовался Смолов, недоверчиво глядя на бешено вращающуюся во всех плоскостях капсулу.

Сам он с детства не переносил всего, что связано с поступательно-вращательными движениями. Когда сдавал экзамены в училище, думал: если на комиссии начнут на табурете раскручивать, то все – «прощайте, адмирал Нельсон»! Но тогда обошлось – снаряд был всего один на все потоки, так что его к летчикам на весь день поставили. Вот их, бедолаг, будущих истребителей-перехватчиков, тогда разгоняли!.. У-ух... Смолова и сейчас от одной только мысли об этом начинало мутить.

– Да нет, не будет... Пап, а можно мне ваты? Ну, пожалуйста, – весело улыбаясь, ответил ребенок. Ребенку было уже почти тринадцать, но ведь дети – они как деньги: какими бы большими ни были, все равно кажутся маленькими.

– Вежливость, красота и непосредственность – страшное оружие в руках маленьких принцесс, – обреченно вздохнул Смолов и полез в карман за наличностью. – Вот, это на билет и леденцы. Беги, а мы с мамой отсюда посмотрим... Только смотри, аккуратно.

– Ну, папа!..

– Давай, давай...

С сахарной ватой на чудо техники не пустили, и Лене пришлось отдать ее на временное хранение родителям. Потом все начало раскачиваться и крутиться. Смолов успел два раза помахать в ответ дочке рукой и, не выдержав, отвернулся и закурил.

– И что ты все куришь, а? – с раздражением высказалась жена.

– Вера-а... – успокаивающе протянул Смолов.

– А что Вера, что Вера? Я уже сорок... Неважно, сколько лет Вера, а ты все дымишь и дымишь, – набирала обороты борьба за мир во всем мире.

– Вера-а-а, – с легким удивлением от неожиданно эмоционального настроения супруги, но достаточно мягко произнес Смолов.

– Нет, я просто не понимаю, что это за удовольствие такое – свое здоровье самому же и гробить?! – с непонятной решимостью выяснить это раз и навсегда, здесь и сейчас, заявила жена.

– Вера!.. – Теперь в голосе Смолова звякнули стальные нотки.

Жена внимательно, не моргая, посмотрела на него и «все поняла». После этого ей мгновенно стало безразлично само существование никотина в природе.

– Я курю, – добавил он после паузы.

Аттракцион остановился. Прибежала довольная Ленка и вернула себе лакомство. Она была совершенно не восприимчива к нагрузкам на вестибулярный аппарат. Глядя на нее, Смолов улыбнулся, испытывая в эту минуту смешанное чувство гордости и зависти.

После каруселей были еще «русские горки» и «машинки», на которых Смолов с дочерью так увлеклись взаимными преследованиями, таранами и бортами, что катались три раза подряд.

Вдоволь накричавшись и нагонявшись, они вылезли из «болидов» под мамины аплодисменты и пошли гулять в парк, куда Смолов заманил своих женщин рассказом о лебедях, которые берут булку с руки. Булочных по дороге не было, поэтому они взяли сосисок в тесте. Смолов уверил, что это то что нужно и что за такое угощение птицы обязательно исполнят им «Танец маленьких лебедей». Если Ленка, конечно, правильно напоеет мотив...

Как и предсказывал глава семейства, три лебедя благородно качались на середине водоема. Выглядели они вполне упитанными и сытыми и подплывать к берегу в ближайшее время явно не собирались.

Лена пыталась подавать птицам разные призывные знаки, по ее мнению наглядно иллюстрирующие то, как много здесь вкусной и полезной лебединой еды. Смолов же, присев на корточки у берега, с абсолютно серьезным видом раскрошил по воде в радиусе полутора метров одну сосиску с тестом и для закрепления результата начал издавать звуки, отдаленно напоминающие крик охотничьего манка на утку.

Вера с Леной смеялись в голос. На что отец семейства невозмутимо отвечал, что звук и запах прекрасно передаются по поверхности воды, и если девушки не будут так хохотать, то лебеди обязательно проникнутся к нему родственным чувством и подплывут поближе. Но, несмотря на все приемы и уловки, птицы по-прежнему продолжали мерно раскачиваться там же, где и раньше. Энтузиазм дочери стал постепенно иссякать, и тогда Смолов решил зайти с другой стороны:

– А вы знаете, что лебедь, когда теряет подругу, поднимается высоко в небо, а потом бросается оттуда на камни и погибает?

– А почему он так делает? Разве ему не больно? – задала вполне естественный вопрос Лена.

– Конечно, больно. Просто одному, без нее, ему еще больнее, – задумчиво ответил Смолов.

– А разве других красавиц-лебедушек вокруг нет? – искоса взглянула на него жена.

– Эх, Вера, Вера!.. Вот сколько живем с тобой, а ты все не понимаешь разницу между одной и остальными, – вздохнул Смолов.

– Почему же они не возьмут и не улетят отсюда? Туда, где им хорошо? – спросила дочь.

– Так им, Ленка, крылья подрезают, чтобы много о себе не думали... – ответил Смолов, улыбнувшись, чтобы спрятать грусть.

Наконец царь-птицы словно почувствовали, что на берегу говорят о них, и, похоже, это пробудило в них гораздо больший интерес, нежели намокшая булка. Лебеди развернулись и стройным флагманским маршем направились туда, где стояли Смолов с семьей. Через минуту они уже подбирали с поверхности воды разбросанную провизию и ловили клювом подброшенные кусочки хлеба.

Лена взяла самый, по ее мнению, лакомый кусочек и смело вытянула руку вперед. Одна из птиц, оценив гастрономические прелести предложенного угощения, целенаправленно двинулась к ней. Ленка затаила дыхание... и в этот момент пустая пивная бутылка с брызгами врезалась в воду. Напуганные лебеди кинулись врассыпную. За спиной Смолова раздалось довольное ржание.

Он медленно развернулся. Развернулся неохотно, так как все остальное должно было быть вполне банально и предсказуемо.

Чуть позади стояли трое парней лет эдак по двадцать пять. Двое держали в руках недопитое «Петровское». Третий, судя по всему, допил. Весело им было одинаково, а общее состояние близилось к обманчивому чувству стайки и безнаказанности. «Как это все всегда типично, – посетовал про себя Смолов. – Типично и вечно. Похоже, мир не изменить».

– Парни, так вы в людей попытайтесь пошвырять, – нехорошо прищурился Смолов и сделал шаг навстречу троице.

– Витя, может, пойдем? – скорее для приличия сказала Вера, зная характер главы семейства. Она была не из тех жен, которые во время драки виснут на руках у мужей. Лена же смотрела на отца, широко раскрыв глаза.

– Чего тебе, дядя? – нагло сказал один из парней, тем самым обнаружив себя как цель, по которой надо бить в первую очередь.

– Ничего особенного. Просто я здесь с дочкой гуляю. Не мешаю?

– Мне – нет, – безразлично ответил один.

– Гуляешь? Вот и гуляй дальше! – отправил его второй.

– Я ждал хамства, и я его получил, – с неприятным чувством вздохнул Смолов.

– Дядя, ты пользуешься тем, что с ребенком? – пригрозил первый и подошел ближе.

– Блин, сколько раз я видел подобное в дешевых фильмах... – тихо произнес Смолов, а затем более громко развил свою мысль: – У тебя, красавец, есть несколько вариантов. Первый: ты бьешь меня бутылкой по голове. Я падаю. Умираю. Тебя судят. Ты раскаиваешься. Выходишь лет так через пятнадцать, еще большим дебилом, чем сейчас. Второй: ты пытаешься ударить меня бутылкой по голове. Я ломаю тебе руку. Ты орешь. Бежишь в травму. Со мной разбирается участковый. Я получаю гемморой.

Смолов проговорил это спокойно, но жестко, глядя парню прямо в глаза.

– Отец, ну че нам теперь, в воду нырять? – примирительно извинился второй.

– Я этого не сказал. – Смолов захотел улыбнуться, но сдержался.

– Лады, эти мы до урны донесем...

– Ребята, спасибо за понимание, – сказал Смолов и отвернулся.

Единственное, чего он сейчас опасался, так это демонстративного броска бутылки в воду. Типа: «Ну, че!» Однако этого не произошло. Парень вернулся к своим и, оправдываясь, шепотом пояснил: «А ты глаза его видел?! Окажется „морским котиком“ каким-нибудь. В натуре руки с ногами местами поменяет...»

– Мой папка – герой! – восхищенно повисла на шее отца Ленка.

– Странно, что на этот раз обошлось без кровопролития, – скептически заметила Вера.

На самом деле в этот момент ей было чертовски приятно, как было бы приятно любой нормальной женщине, рядом с которой оказался такой мужчина.

К тому времени лебеди вернулись туда, откуда их с таким трудом получилось выманить. Похоже, для них это был предел удаления и уединения.

– Лен, если сделать замечание хаму – героизм... – скривился Смолов.

– Может, они вернуться? – с надеждой спросила Лена, подразумевая, естественно, не парней с пивом, а лебедей.

– Это благородные птицы. Они не выносят хамства и скотства. Так что, может быть, в другой раз, – сказал Смолов.

Болтая, они дошли до Гребного канала, на котором уже тренировались спортсмены на байдарках и каноэ. Те на скорости разрезали воду и, казалось, скользили без всякого напряжения. Смотреть на них было приятно. Чуть в стороне, совсем на других скоростях и эмоциях, слегка зигзагообразно, но уверенно и шумно по отношению к цели, по каналу двигался шестивесельный ял, как опытным глазом определил Смолов. Когда-то в училище он сам ходил на таких, отрабатывая простейшие команды и приемы.

Экипаж яла составляли семеро молодых ребят в одинаковых синих форменных куртках и пожилой мужчина в черной выцветшей военно-морской форме с погонами кап-два. Целью их виляющего курса нетрудно вычислялся магазин «Продукты», расположенный на берегу канала. Достигнув берега, те, которые сидели спереди, спрыгнули на берег и втащили нос посуды на песок. Далее было видно, как весь экипаж, за исключением кап-два, сбрасывается и двое «гонцов» устремляются к дверям магазина.

Смолов не смог сдержать улыбки. Ему стало интересно, что это за «варяги».

– А может, по мороженому треснем? – как бы между прочим предложил он. – Вон и магазин как раз рядом.

– Я буду трубочку и замороженный сок, – высказала свои предпочтения Лена.

– Вот. – Смолов протянул дочери деньги. – Сходите с мамой и купите.

– А ты чего? – недоверчиво спросила Вера.

– А я тут покурю.

Жена вздохнула и пошла с Леной в магазин за мороженым.

Смолов закурил и не спеша приблизился к ялу.

– Бог в помощь! – обратился он к кап-два.

– И вам доброго здоровья! – в тон отвечивал мореман.

– Позвольте полюбопытствовать: порт приписки?... – спросил Смолов с видом коллекционера в антикварном салоне.

– Учебная база Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. В народе – Корабелки. – Ответ прозвучал четко, как рапорт.

– А экипаж? – не унимался Смолов.

– Военная кафедра, студенты, четвертый курс, – объяснил кап-два.

– Капитан третьего ранга в отставке Смолов Виктор Васильевич, Северный флот.

– Кап-два, отставной, Якшин Сергей Михалыч, балтиец, – протянул руку капитан яла, вставая.

– Курить будете? – предложил сигареты Смолов.

– А чего ж не покурить? Спасибо, свои у меня. – Якшин достал пачку «Примы», продул папиросу и прикурил от зажигалки Смолова.

– И как на преподавательской?... – спросил Смолов после того, как оба со вкусом выпустили дым в небо.

– Ну, не так страшен пирс, как к нему швартуют.

– А корабли, как братья, похожи друг на друга только внешне. Оба заулыбались старым флотским шуткам.

– Я после училища на Северный распределился, в Гаджиево, командиром БЧ-4 на подлодку, – начал рассказывать Смолов. – Жену с собой потащил после педагогического, дочка там родилась, вон они, на мосту эскимо трескают... Потом перестройка. Союз развалился, а чем меньше внешняя военная угроза для страны, тем в большей опасности находится флот и жизнь его кораблей. Деньги, понятное дело, не платили месяцами, снабжения никакого, да и походы прекратились – все в базах стояли... Нет, нищеты, конечно, не было, но бедность была. А тут еще дочка заболела: бронхит, лекарств нет, врачи говорят, мол, воздух другой нужен, сосны там разные, а у родителей жены как раз дача в Комарово. В общем, выбор не большой, но понятный. Уволился, переехали. Ничего, живем. Почти не жалею, вот только море... снится.

– Да, море, оно не отпускает, – задумчиво согласился кап-два. – Что же до остального... Это как у Дюма, помнишь? «Короли приходят и уходят – Франция остается». Хотя... Вон недавно отдали часть русла Амура китайцам. Слышал?

Смолов хмуро кивнул.

– Там на Даманском столько парней зазря полегло! А теперь – берите даром, нам ни к чему! Скотство это самое натуральное, обкрученное в высший дипломатический смысл!.. Дело ведь не в километре каменного берега. Брестская крепость тоже никакого смысла не имела и немцев ни на час не задержала. Но стала символом и этим стране помогла!

– Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим, – убежденно сказал Смолов.

Они могли поговорить еще о многом: о «стальных гробах адмирала Деница», шифровой машине «Энигма», торпедных атаках на «Тирпитц», тайных высадках лодок в Южной Америке в июне 1945 года. Но Вера на мосту уже начинала проявлять явные признаки беспокойства: в самом деле, пошел отдыхать с семьей, а уже полчаса как разговаривает непонятно с кем, а жена с дочкой должны умирать от скуки. «Господи, укрепи и дай мне сил!» – подумал Смолов и стал прощаться:

– Было очень приятно познакомиться и поговорить. Но нужно идти, семья... Семь футов...

– И тебе удачи, акустик, – пожелал Якшин и пожал руку.

Смолов поднялся на мост. То, что сейчас произойдет, он, в принципе, знал. Другое дело, что семнадцать лет назад он не знал, что, смирившись с этим один раз, ему придется терпеть это всю оставшуюся жизнь.

Вера начала вполне предсказуемо:

– Смолов, ну вот что ты за человек, а? Один раз за полгода соберешься со мной и дочерью в люди выйти, так тебя все равно куда-то несет!.. И почему это мы должны тут стоять и ждать, пока ты наговоришься с очередным боцманом?!

Смолов меньше всего хотел сейчас ругаться и выяснять отношения. Впрочем, он никогда этого не хотел. Со всеми другими он мог вести себя по-другому. А с Верой нет! Хотя, может, и стоило. Но он не мог. Наверное, потому, что любил ее и знал, что если ответить ей жестко, то она разревется. А потом пройдут две-три минуты, и он начнет себя винить и просить прощения, как мальчишка.

...«Посмотрите на эти лица! Все это опытные моряки!» – вдруг неожиданно и громко прозвучала голосом Олега Борисова фраза Джона Сильвера из телефильма «Остров сокровищ». Вера вздрогнула, Ленка рассмеялась.

Смолов достал свой сотовый и ответил на звонок:

– Слушаю... Здорово, Иваныч. Чего стряслось?.. Ну, понятно... Так, а мы каким местом?.. Справедливо... Ладно, в течение часа буду... Нет, ребятам я сам позвоню... Все, давай...

– Извини, мне нужно ехать, – сказал он Вере, потрепал по затылку дочку, улыбнулся и пошел к машине.

Вера посмотрела ему вслед. Она видела, как, уходя, муж позвонил кому-то, произнес несколько фраз, после чего убрал телефон в карман и зашагал быстрее.

* * *

– ...Ой, девки, мне так хреново после вчерашнего!.. Представляете, утром Димон за мной заехал, в тачке сразу полез целоваться – так меня чуть не вырвало! – простонала платиновая блондинка Майя, пятнистая кожа которой свидетельствовала о неумелом наложении искусственного загара.

– А я ведь тебе говорила: когда за стойкой Дэн, абсент у него лучше не брать, – лениво посочувствовала раскинувшаяся в шезлонге грудастая девица. Кажется, ее звали Эльвирой. – Мне Костик-секьюрити по секрету рассказывал, что Дэн абсент дома бодяжит, а потом в баре в бутылки из-под настоящего переливает.

– Интересно, как это можно дома забодяжить абсент? – любопытствовала Лиза, чей прадедушка в свое время был известным поэтом-песенником, автором либретто к кантате «Красные авиаторы». Это в наши дни ее с трудом припомнят даже люди преклонного возраста, а вот в тридцатые годы незамысловатые строчки: «Кразнозвездный истребитель, / Пролетая над Кремлем, / Нет, вы только поглядите! / Машет Сталину крылом!» – распевала хором вся страна. За этот свой опус прадедушка был удостоен Сталинской премии и персональной дачи в Солнечном. Собственно, на веранде этой самой дачи сейчас и разворачивалась столь содержательная дискуссия.

– Да там, блин, такой прикол. Прикинь, оказывается, всего-навсего надо смешать сироп «Доктор Мом» с медицинским спиртом. Получается такая бурдень, которую ни по цвету, ни по запаху, ни по крепости от абсента не отличишь. Тем более в коктейле.

– А чего ж охрана клуба молчит, если знает?

– Так они с Дэном в пополаме. Прикинь, какие лавэ можно делать, если бутылка абсента в «Опиуме» под сотку баксов стоит?

– Да не была я вчера в «Опиуме»! И абсент не пила! – проскрипела Майя. – Мы с Димом в FC Lounge ходили. Это меня, наверное, от фуа-гра так мутит...

– А от нее что, у женщин тоже бывают побочные эффекты?

– Дура ты, Лизка, – захохотала Эльвира. – Не виагра, а фуа-гра – французский деликатес такой. Хотя на самом деле просто паштет из гусиной печени. Знаешь, как настоящий фуа-гра делают? Берут гуся и насильно перекармливают, набивая ему в зоб кукурузные зерна. От гниения остатков неусвоенного зерна у гуся образуется болезнь, от которой его печень увеличивается в несколько раз. Потом...

– Фу, гадость какая! – поморщилась Лиза.

– Эта, с твоего позволения, гадость, между прочим, стоит под штуку за порцию.

– Если абсент в России готовится из смеси лекарства от кашля и спирта, боюсь, что этого несчастного гуся довели до болезни тоже отнюдь не кукурузными зернами, – скептически заметила доселе молчавшая Катя. – И вообще: гусь ли это был?..

– Девки, перестаньте! А то меня сейчас и правда вырвет! – взмолилась Майя.

– А тебе, Майка, если действительно траванулась, это сейчас как раз самое то, – назидательно сказала Эльвира. – Ты вон «бифитрика» стаканчик без закуски дерни и сразу «верблюдику» в затылок пыхни – через пару минут точно блеванешь, гарантирую.

– Да не могу я! Ни пить, ни курить... Просто смотреть на выпивку не могу!

– Тогда остается последнее народное средство – два пальца в рот, и вперед.

– Не, – скривившись, замотала головой Майя. – Сама себе... Не, не буду.

– А ты Диму попроси, пусть он опять поцелует. Или сам пальцы в рот тебе засунет, свои, – как вариант предложила Аня.

– А еще лучше, пусть он тебе в рот кое-что другое засунет! – немедленно подхватила Эльвира. – А чего? Он у него большой. Да и тебе, наверное, так привычнее будет.

Все девицы, за исключением Кати, дружно захохотали. Даже «хворая» Майя, которой эта идея, похоже, показалась не лишенной здравого смысла.

Поморщившись, Катя вытащила из лежащей на столике пачки «Кэмела» сигарету, прикурила и направилась к выходу.

– Кать, ты куда?

– Пойду прогуляюсь.

– Смотри, сейчас мальчишки вернутся, шашлык привезут.

– Ничего, можете начинать без меня.

– А если Виталик будет интересоваться, где тебя искать?

– Скажите, на залив пошла.

– Ну-ну... – усмехнулась Эльвира и, дождавшись, пока Катя удалится на достаточное расстояние, добавила, обращаясь к «своим»: – А понтов-то, понтов! Ишь, выделяется! Типа, запахло ей с нами, дурами, общаться. Главное, с какого такого перепугу у нее понты?... Честное слово, девки, вот не вкуриваю я, чего в ней Виталия нашел?

– Это точно, – поддержала подругу Аня. – Положим, личико еще ничего, но фигура... Смотри, какие плечи широченные! А руки!

– Так она же спортсменка, Лесгафта закончила. Вроде как даже кандидат в мастера спорта по стрельбе. Из лука, – проявила свою осведомленность Майя.

– Во-во, разве что из лука. Глазками-то она ни фига не попадет... Эх, бедный Виталия, намается он с ней. Но, с другой стороны, сам виноват – вечно ему хочется чего-то экзотического попробовать.

– Ага, «попробовать», как же! Он мне недавно по пьяни все плакался: мол, уже столько времени знакомы, а она ему до сих пор ни разу не дала. Прикинь?

– Ну, девки, тогда я вообще ни хрена не понимаю! – возмущенно нахмурила брови Эльвира.

И надо сказать, что в данном случае ее возмущение было абсолютно искренним...

От академической дачи до залива, если напрямки, метров сто, не больше. Но продирается сквозь заросли Кате не хотелось, поэтому она дала небольшого кругаля и минут через пять, брезгливо обогнув все чаще встречающиеся в этих краях стихийные свалки мусора, вышла к большой воде. Народу на пляже практически не было, хотя, казалось бы, в такую погоду дачники и праздные гуляки должны валить к морю валом. Конечно, назвать Финский залив морем можно только с большой натяжкой, но ничего не поделаешь – другого моря у питерцев все равно нет...

По шуршащей гальке Катя подошла к самой кромке воды. Подошла так близко, что отдельные, самые нахальные волны касались ее ног, норовя забраться в кроссовки. Немного поразмышляв, в какую сторону направиться, она автоматически побрела на восток и через пару секунд усмехнулась, сообразив, что на подсознательном уровне ее, дитя города, все равно тянет в сторону большой цивилизации. В качестве ориентира Катя выбрала уходящую в залив гряду, не спеша добрела до нее и по скользким камням, предельно осторожно, доскакала до самого большого валуна, покрытого грязно-зеленой подушкой водорослей. Здесь она опустилась на влажный камень, обхватила колени руками и, закрыв глаза, подставила лицо под припекающее летнее солнышко.

Переполнявшие Катерину эмоции были вполне искренними. Такими же, как и у «кажется Эльвиры». Она корила себя за то, что позволила поддаться уговорам

Виталия, купившись на ключевые слова «море» и «воздух». Но по приезду выяснилось, что никакой прогулки на залив не намечалось вовсе. А намечалась самая обыкновенная пьянка на прокуренной веранде элитной дачи в компании малознакомых и малоинтересных отпрысков, которых с каких-то непонятных фигов в наши дни принято причислять к так называемой «золотой молодежи». Катя была девушкой начитанной и знала, что этот термин появился еще в девятнадцатом веке. Однако тогда под ним подразумевались исключительно образованные и эстетически воспитанные юноши и девушки высокой нравственности. Съехавшиеся же нынче на дачу гости, все эти «внуки и внучки Соловьевых-Седых, Лаппо-Данилевских и Преображенских», к таковым явно не относились. От вулканической энергии их предков осталось разве что самомнение, что они – внуки. Плюс, естественно, амбиции. О, это да! Эти были вполне сравнимы с метровым членом. Тот ведь тоже: с одной стороны – впечатляет, но с другой – абсолютно бесполезен. (Здесь Катя снова усмехнулась, подумав, что такое сравнение «дачным» девицам, безусловно, пришлось бы по вкусу.) Безусловно, все они: Виталик, Димон, Аня, «кажется Эльвира» и прочие – были достаточно образованными личностями. Еще бы! Чай, не на чтецов-декламаторов в Институте культуры учились, а на юристов и менеджеров. Одна беда – осваивая эти трудные и востребованные ныне профессии, все они довольно плохо представляли, каким образом и откуда, кроме как от родителей, появляются деньги.

Катя очень смеялась, когда недавно по телевизору услышала, как какой-то депутат, скорее всего, папаша одного из таких же отпрысков, на полном серьезе заявил, что «золотая молодежь» нам очень нужна и важна. Мол, это (ни много ни мало!) будущий мыслящий класс России. Но в отличие от всех этих ребятков, сама Катерина по долгу службы неплохо разбиралась в теории происхождения капиталов в постсоветской России. Поэтому особых иллюзий на счет «золотой молодежи», в отличие от депутата, она не питала. Ибо, как говаривал ее шеф, капитан Смоллет: «Хощь не хощь, но от осинки не родятся апельсинки».

Громкий всплеск от камешка, плюхнувшегося совсем рядом, заставил Катю вздрогнуть. Она обернулась – проторенным маршрутом к ней подкрадывался Виталий с початой банкой «Золотой Балтики». Судя по выражению лица и неуверенной походке, эта банка была не первая.

- Ага, вот ты куда забралась! Что, русалочку поманила родная стихия?
- Любишь сказки?
- Увы! Предпочитаю интересоваться исключительно реальными вещами и событиями.
- А как ты их различаешь?
- Ну, знаешь, на мой взгляд, «Русал» господина Дерипаски намного реальнее и уж всяко интереснее «Русалочки» господина Андерсена.
- Спорный вопрос.
- Ох, Катенок, я бы с удовольствием с тобой поспорил, но нам надо торопиться – мясо стынет, а водка, наоборот, нагревается.
- Иди без меня.
- А ты?
- А я не хочу ни мяса, ни водки.
- А чего ты хочешь?
- Пожалуй, я хочу домой.
- Вы поссорились? Если так, то напрасно – они классные девчонки.
- Я ни с кем не ссорилась. И, наверное, они действительно классные.
- И в чем тогда дело?..
- Ни в чем. Просто я захотела домой. Могут у меня быть капризы?
- Могут.

– Тогда считай, что это они. Ты меня отвезешь?

– Понимаешь, – Виталик замялся, – я уже выпил немного. Вот, видишь? – В качестве доказательства он продемонстрировал пустую банку и виновато развел руками: – А до этого еще там, на даче...

– Понимаю, – кивнула Катя. – Это действительно серьезная причина... Ну, тогда я пойду на электричку.

– Здесь наверху, на шоссе, остановка маршруток. Прямо до «Озерков». Может, дать тебе денег на дорогу?

– Не надо. Оставь себе, мало ли что... Вдруг на гаишников пригодятся...

– В каком смысле?

– Вдруг не успеешь к вечеру протрезветь. Поедешь в город, нарвешься...

– Так мы сегодня возвращаться и не собирались. Спальных мест полно, ночевать есть где.

– Ах вот даже так? То есть ты заранее знал о ночевке, но мне ничего не сказал?

– Я боялся, что при таких раскладах ты вообще откажешься от этой поездки, – скорчил якобы виноватую мину Виталий.

– Замечательно. А вот интересно, если бы я согласилась остаться, кого бы ты предпочел – меня или Эльвиру? Или, может быть, обеих?

– О чем ты?

– Да так, знаешь ли... Стучит у меня одна мысль в мозгу. Прямо как пепел Клааса в сердце. В доме всего три спальных, как ты это называешь, места. Два внизу и диван наверху. Так? Но поскольку Эльвира приехала одна, получается, что ни пары, ни дивана для нее не остается. Вот я и спрашиваю – ты пригласил ее как запасной вариант?

– Как ты могла такое подумать? – возмутился Виталик. Он сделал это столь нервно и эмоционально, что Катерина поняла: «подумала» она абсолютно правильно. – Если бы ты осталась, я, конечно, пошел бы ночевать в машину.

– Ну, такую жертву с твоей стороны я принять не могу, – чуть насмешливо протянула Катя и, поднявшись с камня, протянула Виталику руку (мол, хоть до берега проводи, кавалер). – В конце концов, мы с тобой не настолько близки...

– Вот именно, – буркнул себе под нос кавалер. Кстати, ему очень повезло, что этих его слов Катерина не услышала.

Они молча добрались до берега, при этом Виталик не удержался и, поскользнувшись, угодил ногой в воду, едва не утопив свой шлепанец. Выбравшись на земную твердь, он, чертыхаясь, первым делом принялся подворачивать намокшую штанину, демонстрируя Катерине свою мохнатую лодыжку. В принципе, в ней (в лодыжке) не было ничего сверхъестественного, но Катю вдруг в буквальном смысле передернуло, когда она мысленно представила, что сегодня ночью эти волосатые ноги, в принципе, рассчитывали на интимное переплетение с ее ногами. Катя не была ханжой и уже давно (прости, мамочка) не была девственницей, но сама мысль о гипотетической возможности провести ночь с Виталиком сейчас представлялась ей особенно омерзительной. Притом что в общем и целом парень он был неплохой. По крайней мере не хуже, а в чем-то и лучше других. Но накопившееся раздражение этого дня, который Катя собиралась провести совсем иначе, не оставляло ему сегодня никаких шансов. Короче, Виталик огреб карму по совокупности...

Здесь же на пляже они и распрощались. Поначалу Виталик порывался проводить ее хотя бы до шоссе, однако Катерина была настроена решительно, категорически заявив, что прекрасно доберется сама. Спорить с ней в такие минуты было бесполезно, горе-кавалер прекрасно об этом знал, а потому быстро сдался и махнул рукой. Целоваться и оглядываться они не стали.

Две набитые под завязку маршрутки просвистели мимо. Катерина уже намеревалась направиться на станцию, однако в этот момент неожиданно подал голос мобильник. Мелодия из «Крестного отца» недвусмысленно давала понять, что на вербальный контакт напрашивается непосредственный начальник.

– Слушаю, Виктор Васильевич.

– Привет, Катюша. Извини, что беспокою в столь дивный день и час.

– Да бросьте вы. Что-то случилось?

– Есть такое дело. Ты сейчас где обретаешься?

– В Солнечном.

– Ох, далехонько, – крикнул Смоллов. – До нашей гавани за сколько добратся сможешь?

– Если на частнике, то минут за сорок. Но вы так и не сказали, что стряслось?

– Вах! Такие вещи спрашиваешь... Даже неудобно отвечать, – отвечал Смоллов голосом Фрунзика Мкртчяна. – Тревога тревожная у нас. Волк украл зайчат. Короче, похищение с целью выкупа. Подробности при встрече.

– Поняла. Еду.

– Ах да, забыл поинтересоваться... Я тебя не шибко напрягаю? Если у тебя запланированы не терпящие отлагательств дела, попробую управиться сам.

– Я приеду.

– Тогда все. До встречи. Целую. Пух...

Катерина отключила трубу, вышла к шоссе и через пару минут тормознула дедка на выцветшей, а потому весьма приблизительного цвета «копейке».

– Скажите, а это колесо доедет до Суворовского?

– До «Озерков» доедет точно. А там поглядим, – игриво отвечал еще крепкий дедок, не без удовольствия разглядывая ее голые коленки.

– Хорошо, давайте начнем с «Озерков», – рассмеялась Катя.

«А ведь братья Стругацкие были правы, – подумала она, забираясь на переднее сиденье развалюхи. – Оказывается, бывают в жизни моменты, когда и правда очень хочется, чтобы понедельник начинался в субботу...»

* * *

Козырев, хотя и проснулся неприлично поздно, около одиннадцати, но расставаться с диваном не спешил. Не было никакого смысла наверстывать бездарно продреманные часы: сегодня он заступал на смену с трех, так что времени на активную внеслужебную деятельность все равно толком не оставалось. Печально, конечно, – судя по картинке за окном, денек обещал быть на редкость приятственным. Впрочем, питерская погода вступает в извечный антагонизм по отношению к графику работы сменных экипажей. «Такова она наша шпионская жизнь, – невесело подумалось Паше. – Вечно у нас исключительно где-то далеко идут грибные дожди».

Прямо в постели он выкурил первую за день сигарету, затем какое-то время листал подобранную с пола книгу, настоятельно присоветованную соседкой. Посвященная провокатору и перевертышу Азефу, книга действительно оказалась не лишена занимательности, хотя приноровиться к нормальному восприятию текста получилось далеко не сразу: поначалу Паша постоянно спотыкался на всех дореволюционных ятях. Но потом ничего, освоился.

«...Повторяя известные уже разоблачения о провокационной и террористической деятельности Азефа, Вл. Бурцев пытался доказать, что Азеф никогда в сущности не был ни революционером, ни агентом департамента полиции; он провоцировал революционеров, сам лично участвовал в террористических убийствах, затем доносил об этом полиции,

но делал все это не как революционер и не как агент департамента полиции, а как хладнокровный уголовный преступник, действовавший из личной выгоды».

Козырев дважды перечитал этот кусок и понял, что голова, по причине явного пересяпа, категорически не желает включаться.

Он отложил книгу и мысленно отмерил себе еще десять минут ничегонеделания, после которых все же следовало начинать выходить из горизонтального положения. Но не прошло и минуты, как в коммунальном коридоре послышались громкие торопливые шаги, нараставшие по мере приближения к козыревской каморке, которая располагалась в самом тупике их воронье-лиговской слободки.

В дверь постучали. Но исключительно для проформы, ибо уже в следующую секунду она распахнулась («Ну вот, опять забыл на ночь запереться», – вспомнил Паша) и на пороге появилась включенная Людмила Васильевна Михалева – единственно приятный во всех отношениях человек из числа полутора десятка прочих козыревских соседей. Будучи директором Музея политического сыска, она «по совместительству» выступала поставщиком редких книг, исторических сенсаций, вкусно-здоровой пищи, а также обстоятельных нравоучений ко двору «их благородия грузчика Козырева».

– Пашка, черт эдакий, ты что, дрыхнешь до сих пор?! Включай скорее телевизор. Там такое!.. – с ходу выпалила соседка.

Продолжавший лежать под одеялом Козырев замялся. Людмила Васильевна недоуменно посмотрела в его сторону, но тут же поняла, в чем дело, и рассмеялась:

– Пашка, кончай смущаться. Хорошего же ты обо мне мнения, коли считаешь, что за всю свою жизнь я ни разу не видела мужика в трусах.

– А если я сплю без?.. – провокационно поинтересовался Козырев.

– Ой, да видала я и без трусов, и в оных... Равно как в кальсонах, в плавках, в семейных парашютах и в набедренных повязках. Ну все, хватит изгаляться над почтенной женщиной! Включай, а то у меня РТР откровенно показывает.

Делать нечего – Козырев выбрался из-под одеяла, доскакал до «лентяйки» и принялся щелкать каналами.

«...как нам рассказали в пресс-службе музея, пропажу заметили во время плановой проверки. В хранилищах, где находились образцы русского ювелирного искусства, не оказалось около двухсот ювелирных экспонатов, в основном эмалей. Проверку начали еще в начале весны, поэтому, когда точно произошло хищение, пока выяснить сложно. Завтра руководство собирает прессу в Эрмитажном театре, чтобы сделать официальное заявление. На прямой связи со студией с Дворцовой площади наш журналист Екатерина Мельниченко...»

– А ничего себе девочка! – прокомментировал Козырев появление на экране тележурналистки. – Фигурка, ножки, все такое...

– Пашка, помолчи, а?! – шикнула на него Михалева. – Дай послушать.

«...утром служащие Эрмитажа шли на работу, потрясенные сообщением о краже. Многие строят догадки, как могли пропасть музейные ценности, некоторые вообще не верят в похищение. Полагают, что это ошибка, связанная с инвентаризацией...»

– Ага, как же! Ошибка! Двести единиц хранения! Хорошо устроились ребята, даже в ошибках, и в тех не мелочатся!

– Людмила Васильевна! Дайте послушать! – «отомстил» Козырев.

«...напомним, пять лет назад всех поразило дерзкое похищение картины Жана Леона Жерома „Бассейн в гареме“. Эксперты не считали эту кражу заказным преступлением – рядом в экспозиции находятся куда более ценные полотна Делакруа и Энгра. Что же произошло на этот раз? Сегодня информация о возможной краже из Эрмитажа поступила в отдел музеев Роскультуры. Пока там даже нет списка пропавших предметов – по информации

АЖУРа, в нем очень много страниц, и все еще не успели переслать по факсу. Но в ближайшее время в Петербург направят специальную комиссию для расследования».

Далее пошел сюжет про отремонтированные подъезды и железные двери. Такое вот веяние времени: жилые дома превращаем в крепости, а государственные музеи – в проходные дворы.

– Обалдеть! – Других комментариев к услышанному у Козырева не было. – Это что ж такое на белом свете делается?!

Только сейчас сообразив, что до сих пор стоит «в неглиже», он принялся торопливо натягивать штаны.

– Нет, это я хочу спросить, господин офицер милиции, что у вас делается? – передразнила его Михалева. Она достала из кармана халата пачку сигарет, закурила и принялась нервно расхаживать по комнате.

– Мы-то здесь при чем?! – немного обиделся за «контору» Паша.

– Ах да, лично вас поставили исключительно подглядывать! Потому вроде как и взятки гладки. Так, что ли? Но, между прочим, это не снимает с вас вины...

– Ага, мы, значит, менты поганые, музейные экспонаты просрали, а вы, музейщики, тут ни при чем и все в белом, в шоколаде?

Михалева вполголоса выругалась.

– Ладно, Пашка, брек. Тут ты прав, здесь мне крыть нечем... Нет, но вот интересно, что за цифра такая магическая – двести? На глазок прикинули? Или они там у себя договорились сообщать о пропажах из хранилищ исключительно строго дозированными порциями?

– В каком смысле?

– Да в таком, что, к примеру, в девяносто седьмом у них тоже обнаружилась пропажа, и тоже сразу двухсот экспонатов.

– Чего-то я такого случая не помню...

– А об этом широкой общественности и не сообщалось. На фига выносить сор из эрмитажной избы работы господина Растрелли? Но я точно знаю, что тогда после смерти хранителя недосчитались двухсот экспонатов фонда бронзы и металлов. В основном, самоваров. И, кстати сказать, до сих пор ничего не нашли.

– Тью-ю! – разочарованно протянул Козырев. – Самовары! Да кому они нужны? Разве что в скупку на металл сдать...

– Да, самовары. А вот ты, Пашка, чайник! Ну и «почем в Америке башенные краны», а? Между прочим, рядовой антикварный самовар в питерской антикварной лавке в среднем стоит порядка тысячи долларов. А представь, сколько может стоить посуда, из которой, возможно, когда-то пили чай члены императорской фамилии? Неплохой подарочек на дачу какому-нибудь братку-олигарху.

– Н-да, это я действительно... как-то сразу и не сообразил. Людмила Васильевна, а вы откуда эту историю знаете? Она же «широкой общественности» не сообщалась?

– Из осведомленных источников, мой мальчик. Из очень осведомленных. У меня в Эрмитаже подруга, почитай, лет двадцать в отделе кадров работает. Мы с ней вместе истфак заканчивали. Правда, было это, страшно подумать в каком лохматом году...

– А если она так хорошо осведомлена, почему молчит? Почему не борется за народное достояние?

– Господи, Паша, и это говорит старший лейтенант милиции! В твоём возрасте, а тем паче в твоём звании, нельзя быть таким наивным. Это Система, понимаешь? У вас, в милиции, она своя, а в Эрмитаже – своя. А посему надо либо быть человеком своей Системы, либо уходить из нее. Всё – третьего не дано. Вот ты мне сам постоянно жалуешься на ваш бардак, на вашу продажность, на бессилие и безнадегу. Но при этом сам почему-то не увольняешься. Значит, согласен примириться и принять такие условия игры. Разве не так?

– Ну, это все-таки разные вещи... – промямлил Козырев, прекрасно осознавая, что в данном случае соседка во многом права.

– Ладно, не будем на больную мозоль, – заметив его смущение, примирительно сказала Людмила Васильевна. – Да, и еще: имей в виду, украсть что-либо из запасников музея, тем более такого огромного, как Эрмитаж, в общем-то, плевое дело. Учитывая, что в последние годы инвентаризации в музеях не проводятся в принципе (хотя и должны быть регулярными), то спохватиться экспонатов могут лишь лет эдак через тридцать – пятьдесят. Да-да, я знаю, что говорю!.. Но, естественно, при условии, что речь идет не об особо ценном объекте... А знаешь, Паш, на самом деле мне сейчас безумно интересно понаблюдать, как из этой скандальной ситуации будет выкручиваться Михал Борисович и его вассалы. Слушай, эта девочка-репортерша в сюжете что-то говорила про пресс-конференцию... Ты случайно не запомнил, когда?

– Вроде завтра. А вы думаете, Пиотровский может быть как-то причастен ко всем этим делишкам? Или он вам просто не нравится?

– Нет, ну чтоб до такой степени, это, конечно, вряд ли. Но он директор, и если в его заведении творится бардак, то, естественно, за этот бардак в том числе должен отвечать и он лично. Конечно, наш музей сравнивать с Эрмитажем не совсем корректно, но... Финансирование у нас в разы меньше, зато порядка в разы больше. Парадокс? Что же до нравится–не нравится... Как мужчина Пиотровский немного не в моем вкусе. А вот как музейщик... Что ж, он большой профессионал, умный, образованный, с деловой жилкой... Вот только, по мне, до такой степени духовно богатый, что иногда становится даже как-то неприятно... Все, Паш, извини, что я тебя с утра так сильно загрузила, но сам понимаешь, такие вещи не каждый день случаются. И, слава Богу, что пока еще не каждый день. Ладно, пойду Илонке позвоню, узнаю, что там у них сейчас творится...

– Думаю, ничего хорошего.

– Это точно...

Михалева ушла, а Паша в задумчивости снова плюхнулся на диван. Ничего из того, о чем ему только что поведала соседка, он раньше не знал и даже не слышал. До сих пор он был убежден, что украсть из Эрмитажа – это все равно что... Все равно что ограбить крупный банк. Или Кремль. На деле же выясняется, что тема не только решается в принципе, но еще и поставлена чуть ли не на поток. Вот такие самовары...

Впрочем, вскоре на смену праведному гневу в голову не замедлили явиться более земные мысли. К примеру, где бы оперативно перехватить двести баксов. Ибо на следующей неделе, кровь из носу, нужно расплатиться с хозяином за комнату. А в запасниках Козырева, в отличие от эрмитажных, нынче шаром покати.

Вот такие, понимаешь, самовары!

Глава вторая

Снимать кино может каждый, а хороших сценаристов всего одиннадцать.

Мел Брукс

Смолов добрался на Суворовский всего за пятнадцать минут. Выходной, он и в Африке выходной: в центр, да по такой погоде, обывателя не шибко тянет. В массивных дверях Главка Виктор Васильевич столкнулся с Димой Травкиным, и тот коротко набросал ему некоторые подробности похищения, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. В Димкиной интерпретации тема представлялась непростой, но все ж таки не убийственной. Так что Смолов снова укорил себя за то, что высвистал на тревожный сходняк Катерину, – сегодня он вполне мог управиться и в одиночку.

Общий сбор назначили в кабинете замначальника УУР, который, к несчастью своему, в этот день был ответственным дежурным по ГУВД. Разномастный народ, без особого энтузиазма стекавшийся на «мозговой штурм», по большей части Смолову был знаком. Службы, а, соответственно, задачи у этих людей были разными, но каждому из них хотя бы раз в год (а то и не один десяток раз) доводилось пользоваться услугами ведомства, в штате которого имел честь состоять Виктор Васильевич. А как вы хотели? На дворе эпоха НТР, всякие там хай-теки и прочие великанские технологии, в конце концов мобильная связь. Куда нынче без этого добра? Ну разве что в Красную Армию...

К тому же молодые опера, коих с каждым годом в Главке становилось все больше, в своих мировоззрениях были не столь консервативны, как их предшественники. Эти ребята быстро прощелкали, что некогда базовый оперской тезис «волка ноги кормят» морально устарел. Железный конь даже в нашей, технологически отсталой стране все-таки пришел на смену крестьянской лошадке. А потому молодежь не видела особого смысла напрягаться там, где за тебя это легко, а главное быстро могут сделать другие. Взять, к примеру, банальную установку связей подозреваемого: обход жилмассива, задействие агентурной сети и прочие телодвижения, кои, как известно, являются мероприятиями хлопотными и малоинтересными. Куда проще заполнить специальный бланк – и, пожалуйста: вот тебе связи через личный автотранспорт; вот биллинги мобильных телефонов; вот адресаты электронной почты. На любой вкус: хоть в пределах города, хоть «от Финских скал до пламенной Колхиды». И все это, заметьте, не выходя из кабинета, не отрывая задницы от стула. Так что пусть участковый Анискин на своих двоих по деревне шастает. А нам, пацанам, запахло.

Впрочем, в отличие от большинства «стариков», Смолов вовсе не видел в таком подходе ничего дурного. Все правильно, время не стоит на месте. Сам Виктор Васильевич, сколько себя помнил, всегда был двумя руками за прогресс. До сей поры, с поистине юношеским азартом, он старался отслеживать и обучаться всему новому и интересному. И в этой части вполне мог дать фору иному продвинутому юзеру. Другое дело, что, погружаясь в безграничные возможности компьютерных прибабасов, молодежь невольно оставалась обделенной в части Школы. Именно так, с большой буквы. Ей не хватало школы общения с людьми, школы анализа, школы наблюдения и подмечания мелочей... И вот это категорически не есть «зер гут». Опять же потому, что время не просто шло – оно летело. А Смолов полностью разделял некогда услышанную гипотезу о том, что после двадцати пяти лет люди не умнеют.

На большом П-образном столе, занимавшем более половины площади кабинета Зама, чьей-то заботливой рукой были расставлены редкие по нынешним политкорректным време-

нам пепельницы, что само по себе свидетельствовало о серьезности предстоящей работы. В обычное время смолить в стенах Главка можно было только в специально отведенных местах. Впрочем, на кабинеты начальников это правило, как водится, не распространялось.

Пока народ подтягивался и с шумом рассаживался, Димка Травкин, оправдывая фамилию, как обычно балагурил и травил байки, коих у него в заглазнике имелось великое множество. Правда, большинство не имело никакого отношения к его реальной жизни оперативника, а было банально позаимствовано из дешевых бульварных листков и копеечных сборников анекдотов. Благо последних ныне расплодилось великое множество.

– ...Нет, ты только прикинь, Леха, – грохотал Травкин, обращаясь к Серпухову, оперу из розыскного. При этом грохотал с таким расчетом, чтобы его могли услышать и остальные. – Вчера обмывали мы звание Якимчука. Он майора получил, ты в курсе?

– Ага, – кивнул Серпухов. Из-за сегодняшнего ЧП у него сорвалась рыбалка на Ладоге. Посему был он мрачен и не расположен внимать травкинским анекдотам.

– Так вот, возвращаюсь я домой где-то во втором часу. Естественно, на бровях. Мечтаю только обо одном – чтобы Наташка спала. Но ни фиги – сидит на кухне, караулит. Понятное дело, встрепелась, руки в боки: «Где был? С кем пил? По какому поводу?»

– А ты бы ей сразу в бубен, – вклинился в разговор незнакомый Смолову опер из Центрального РУВД. – Я вот своей всегда, когда бухтеть начинает... Верное средство.

– Фи, Колюня, это же неэстетично. Женщина не просто может, она обязана, как ты выражаешься, бухтеть. Ибо данная функция заложена в нее самой природой. Это у них на гормональном уровне, понимаешь?

– Давать она обязана, а не бухтеть, – не сдавался Колюня.

– А вот это, мой юный друг, из другой оперы. Здесь важно, чтоб было чем брать... Ну да мы отвлеклись. Короче, я своей честно, как на духу, – так, мол, и так, был в кабаке, повод серьезный, Андрюха Якимчук майора получил. Она мне: «Ну ничего себе! Ему ведь всего тридцатник с фитюлькой, не больше. И уже майор?» Я ей: «Подумаешь! У нас в Управе полно моих ровесников-майоров. Звания, они ведь через определенный срок присваиваются. Так что при правильном старте к тридцати годам вполне можно до майора дослужиться». Она: «Надо же! Все у вас по графику. Прямо как у женщин».

– И чего? – буркнул Серпухов. – Когда смеяться-то?

– И подумалось мне тогда: а ведь точно, все у нас, как у баб, по физиологическому графику: звания, процентовки по выслуге, дополнительные дни к отпуску. Но все это, заметьте, – Травкин выждал многозначительную паузу, – все это пока не залетишь!..

Народ захохотал. Поддавшись общему настроению, снисходительно улыбнулся и Смолов, хотя, в отличие от остальных, эту байку знал. По долгу службы он ежедневно по несколько часов просиживал в Интернете и наравне с простыми смертными также нет-нет да и заглядывал на развлекательные сайты навроде «анекдот.ру» или «фишек. нет». Ничего не поделаешь! Слаб человек, и велики бесы...

В кабинет вошел Зам, и все разговоры и смехуечки разом прекратились: Диме – Димино, а Кесарю – Кесарево. Как витийствовал бывший флотский начальник Смолова: «Всему свое время. Время раздавать зуботычины и время огребать за них».

Вслед за Замом, величаво прошествовавшим во главу стола, в дверь влетела запыхавшаяся Катерина. И хотя Зам терпеть не мог, когда на совещания кто-либо приходил после него, на этот раз он лишь снисходительно улыбнулся, сделав поблажку единственной в данный момент представительнице прекрасного пола. Зам не был чужд прекрасного, и от созерцания сотрудницы, примчавшейся на общий сбор в дурашливых бриджах и легкомысленной маечке в мелкую сеточку, получал не меньшее эстетическое наслаждение, нежели остальные присутствующие. Пожалуй, один лишь Леха Серпухов оставался непреклонно

мрачным: летне-курортный прикид Катерины в очередной раз напомнил ему о безнадежно загубленном выходном.

Катя шумно плюхнулась на застолбленное Смоловым место и виновато зашептала:

– Уф-ф, еле успела. Минут десять с частником торговалась.

– Да они сами должны тебе доплачивать, частники эти. За одну только возможность подвезти такую красивую девушку.

– В том-то и дело. Такой забавный старикашка попался. Денег не взял, но без домашнего телефончика ни в какую не отпускал.

– И ты дала?

– А куда деваться? И так пригорала капитально.

– Катерина, сколько раз я тебе говорил, что личные телефоны незнакомым людям нельзя оставлять ни в коем случае! – проворчал Смолов.

– Так я ж не свой, – улыбнулась Катя.

– А чей?

– Екатерины Ивановны, из нашей бухгалтерии. Представляете, что она с дедом сделает, если тот и вправду позвонит?

– Да уж, с твоей стороны это довольно жестоко...

– Ничего, в следующий раз будет знать, как незнакомых девушек якобы ненароком за коленки лапать.

– Ненароком – это как?

– Слишком часто скорости переключал. А в «копейке», сами знаете, какая теснотища...

Между тем Зам разложил перед собой бумаги, надел очки и красноречиво кашлянул, призывая к полной тишине и готовности собравшихся внимать.

– Значит, так, народ. Прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью. И дело не только в том, что эта хрень произошла именно в мое дежурство... Хотя, как вы понимаете, лично мне это, мягко говоря, неприятно... И не только в том, что со всеми этими эрмитажными делами Главк стоит накануне грандиозного шухера с вытекающими отсюда авралом и аналом. Это все будет, сей чаши нам не миновать, но... Это будет завтра. А сегодня, на данный момент, у нас имеет место еще один и весьма нехороший геморрой, по-заграничному именуемый киднеппинг. Ибо похищенной является фактически вчерашняя школьница. А конкретно – выпускница одиннадцатого класса 481-й средней школы Лена Капралова.

– Да такой школьнице впору в «Плейбое» сниматься! – не выдержав, хохотнул Травкин, который уже обзавелся фотографией жертвы.

– А ну отставить шуточки! – осерчал Зам. – Раз ты у нас такой осведомленный, встань и доложи по существу: что известно и что к настоящему времени удалось сделать? Только давай без этой твоей петросяньщины.

– Есть доложить без петросяньщины. – Травкин поднялся. – В общем, так: сегодня утром, примерно в 8:30, имел место телефонный звонок в квартиру Капраловых. Трубку снял глава семейства Семен Михайлович Капралов, занимающий – здесь внимание! – должность коммерческого директора ликеро-водочного завода «Пагода».

– Это где ж такой? – живо заинтересовался кто-то из собравшихся.

– Сам завод где-то в Киришском районе, но офис здесь, в Питере.

– Знаю я эту «Пагоду», – подал голос опер Колюня. – Дерьмовая у них водка. Но недорогая – что есть, то есть...

– Оставить комментарии, – сверкнул очами Зам.

– Даже по существу? – обиженно пискнул Колюня.

– Как же, дожدهшься от вас по существу... Кстати, а почему я не вижу Урманова? Водка, потребительский рынок – это ведь его зона ответственности?

– Разрешите пояснить? – приподнял свою филейную часть над стулом явно представитель линии БЭП. – Старший оперуполномоченный по особо важным делам Урманов направлен каким-то животным в кадрах на повышение квалификации в город Сусуман. Для справки: лично я этот поселок городского типа на карте родины не нашел. Тем не менее в кадрах клятвенно обещали: привезет комплексные знания.

– Угу, с триппером неизлечимым... – опять встрял Колюня.

Зам настолько опешил от услышанного, что даже не среагировал на столь циничный прогноз.

– Хорошо, садитесь. Продолжай, Дима.

– Не представившись, неизвестный, уточнив, что трубку снял именно отец Лены, сообщил Капралову, что его дочь похищена и вывезена за пределы города. За сведения о местонахождении дочери Капралову предложено выложить сумму в рублях, эквивалентную пятидесяти тысячам долларов США, которую следует собрать и подготовить к семнадцати часам. О времени и способе передачи денег будет сообщено дополнительно. Неизвестный также заявил, что в противном случае отец больше никогда не увидит свою дочь. Вернее... – Травкин скосил глаза в раскрытый перед ним ежедневник. – Дословно было сказано следующее: «В противном случае он больше никогда не увидит свою дочь. По крайней мере не увидит ее живой и здоровой». Затем обычная в таких случаях пурга: дескать, в ментовку не ходи, все равно за домом следят, а телефон прослушивают. Ну и так далее... Если кому интересно, я отскерокопировал показания отца, можно взять, ознакомиться. Да, еще одна деталь – голос звонившего был молодым. То есть звонил не ребенок, но и не мужик. Последнее, естественно, со слов Капралова. Является ли он обладателем абсолютного музыкального слуха, я не в курсе. Идем дальше...

– Высчитать телефон, как я понимаю, не удалось? – перебил его Смолов.

– Нет. Капралов и сам потом все убивался: дескать, по фильмам знал, что в подобных случаях ни в коем случае нельзя разрывать соединение, однако разволновался, растерялся и после разговора чисто машинально трубку положил. Можно понять человека – все-таки единственная дочь. Хорошо хоть сразу в милицию догадался обратиться, не стал самодетельность разводить.

– Понять-то можно, – подал реплику с места Серпухов. – Вот только я одного не догоняю. Звонок был в половине девятого утра, так? А до этого времени папаша, что ж, не волновался по поводу того, где его ненаглядная дочь пропадает?

– Поясняю. Вчера, примерно в 20:15, Лена Капралова со своего мобильного позвонила домой и сказала, что на всю ночь идет с друзьями на вечеринку в клуб «Росси». Она просила родителей не волноваться, мол, почти белые ночи, компания большая и всё такое... Примерно в половине второго супруга Капралова пыталась связаться с дочерью, однако мобильник Лены находился вне зоны действия сети. Мать не сильно встревожилась по этому поводу, поскольку Лена не первый раз ходила в этот клуб и ранее уже жаловалась, что в помещении отвратительный прием.

– Н-да, высокие отношения в семье. Дочь всю ночь пропадает неизвестно где и неизвестно с кем, а родители дрыхнут и в ус не дуют. А ей, между прочим, следовало бы не по клубам шастать, а к поступлению в институт готовиться.

– Проехали. Все экзамены уже давно прошли. Да и на фига ей готовиться?! У нее папаша богатый, наверняка на платное устроил, – прокомментировал незнакомый Смолову опер. – Папаша, кстати, звонил минут пятнадцать назад: уже собрал требуемую сумму. Прикиньте: пятьдесят тонн баксов наличкой за каких-то пару часов!

Последняя реплика, в которой явно слышались завистливые нотки, повисла в воздухе. Каждый из присутствовавших невольно задумался о собственном материальном благополучии.

Зам вопросительно посмотрел на Смолова, и тот незаметно толкнул под столом Катерину: клубно-тусовочная жизнь априори была зоной ее ответственности. «Азбуку жестов» шефа она поняла и, собравшись с духом, поднялась.

– Да вы сидите-сидите, можно с места, – замахал руками Зам.

Катя послушно села:

– Что касается связи... Клуб «России» располагается в полуподвальном помещении дома 1/3 по улице Зодчего Росси. Заведение модное, пользуется большим успехом у молодежи. В первую очередь как раз у шестнадцати – восемнадцатилетних. пятницу-субботу-воскресенье шоу-программы и тематические вечеринки продолжаются до шести утра. Стены в помещении старой, толстой кладки. Так что теоретически могли иметь место проблемы с прохождением сигнала, однако в клубе, насколько мне известно, установлен специальный усилитель.

– То есть, по-вашему, проблем со связью быть не должно?

– Проблемные зоны могут существовать в любом закрытом помещении. Скажем, подсобные помещения, кухня, туалет... Но, понимаете, если бы родители не могли дозвониться до Лены в течение какого-то промежутка времени, тогда можно было бы сделать какие-то однозначные выводы. Не может же человек в течение часа, к примеру, не выходить из туалета? Но по одному неприятному звонку трудно сказать что-то определенное.

– Почему не может? – снова встрял неугомонный опер Колюня. – Ежели сильно приспичит, то... Ну чего вы ржете? Я серьезно. Может, у нее эти... месячные.

– Ага, длиною в месяц, – не выдержав, усмехнулся и Зам. – Ладно, посмеялись и будет. Давайте ближе к делу: кто конкретно ездил в этот клуб?

– Так наш специалист по женской физиологии и ездил. Колюня, доложь...

– Да нечего особо докладывать, – поднялся с места Колюня. – К тому времени, как мы получили команду проверить клуб, работавшая ночью смена уже разошлась. Официантки, охрана, обслуга, даже кухня. Мы получили у администратора список домашних адресов и телефонов, в настоящий момент пытаемся найти хоть кого-то. Но, сами понимаете, кто-то еще отсыпается и просто не снимает трубку, а кто-то махнул за город, на дачу – погодка-то какая... Правда, удалось найти бармена – показали ему фотку. И хотя он эту девку в принципе помнит, действительно, частенько у них появлялась, но именно этой ночью он ее не видел.

– Это еще ни о чем не говорит, – подала реплику Катя. – Не женское это дело – к бармену подходить. В смысле, если в компании были мальчики, Лена вполне могла и не попасть в поле зрения бармена.

– Очень плохо. Насколько я понимаю, у нас так и нет ясности в том, была ли она вообще в этом заведении. Я уже даже не говорю – с кем.

– Мы отрабатываем всех школьных приятелей, подруг, знакомых, – принялся оправдываться за Колюню Серпухов. – Параллельно мои ребята мотанулись в Кириши, на завод, разузнать, не оттуда ли ноги растут. Но пока пусто – никто ничего не знает. И, кстати, проблемы схожие – никого дома не застать. После двух недель дождей всех на солнышко потянуло.

– Отвратительно работаем. Получается, в дождь – еще туда-сюда, а как солнце выглянуло, так все? Не в состоянии? – проворчал Зам.

В кабинете некоторое время стояла напряженная тишина, затем слово взял Смолов:

– Я предлагаю отпустить сейчас Екатерину Михайловну на рабочее место. На данном этапе она получила достаточное количество информации, и полагаю, что в течение часа-полтора она сумеет вытянуть данные о перемещениях Лены Капраловой за последние сутки. К тому же, установив людей, с которыми Лена в течение дня общалась по мобильному, мы сможем существенно сузить круг поисков связей и возможных свидетелей.

– Я не возражаю, Виктор Васильевич, – откликнулся Зам. Он посмотрел на Катю и невесело улыбнулся: – Что ж, Екатерина Михайловна, как говорится, на одну вас уповаем. Справитесь?

– Я постараюсь.

– Держи меня в курсе, – шепнул ей напоследок Смолов.

– И вы меня тоже, – кивнула Катя.

* * *

Двенадцать квадратных метров общей служебно-жилой площади рабочего кабинета, который на двоих делили Смолов и Катерина, с лихвой компенсировались высотой потолка, составлявшей примерно шесть старопондических аршин. Точнее никто не измерял – высоко, а стремянки у коменданта все равно не допросишься.

У него вообще ничего не допросишься. Больше года Смолов вел отнюдь не любовную переписку с верховным руководством, добиваясь установки в кабинете кондиционера. И не потому, что сторона солнечная, а окна, так же как и потолок, громадные, старорежимные. То, что летом людям здесь невозможно не то что работать, а просто отбывать номер, – это еще полбеды. Как раз к этому людям не привыкать: понимаем, не в офисе – на «передовой» служим. Но так ведь здесь же еще и серверы установлены. Целых три штуки, между прочим. И они, ящики эти высокоинтеллектуальные, в отличие от людей, как раз таки железные. Они на солнце греются. И им это очень вредно. В какой-то момент начальство сломалось: то ли спонсор удачно подвернулся, то ли просто под Новый год потребовалось срочно избавиться от ненужных остатков на счете, однако кондишен Смолову купили. Правда, скоро будет полгода, как он стоит в углу кабинета нераспечатанным – у коменданта нет времени, а главное – нет людей, способных водрузить сей дорогостоящий предмет на подобающее ему место. И то сказать – не набирать же шабашников с улицы для проведения монтажных работ в здании, где даже туалетная бумага в нужнике, и та имеет учетный номер?.. Короче, дело серьезное, с кондачка не решишь. Опять же и отдел собственной безопасности предвительно должен провести вскрытие заграничного прибора. Вдруг враги отечества наспиговали его вибродатчиками и прочей шпионской нечистью, позволяющей читать мысли обитателей дома на расстоянии? А мысли, между прочим, здесь все больше секретные, а то и с двумя «эсами».

Но что говорить за кондиционер, если даже лампа дневного света – и та овдовела несколько месяцев назад, а параллельная ей уже давно даже не подмигивала. В минуты творческого застоя либо когда глаза просто начинали слезиться, доведенные до истерики хоть и жидкокристаллическим, но все равно монитором, Катерина устало поднимала глаза к потолку и всякий раз невольно размышляла над тем, что будет, если и последняя лампа отживет свое. Как их приспособили на лепку и кто теперь рискнет их менять? Впрочем, отсутствие комфорта в кабинете возмещалось обилием самой современной техники (а-ля мечта хакера) на столах и под, а также избытком обжитого уюта и ироничного здравого смысла. Без последнего в их работе никуда.

Смолов появился на рабочем месте через полтора часа. Войдя в кабинет, он плотно закрыл за собой дверь, подошел к холодильнику и запихнул в морозилку три банки пива. Немного поразмышляв, одну вытащил обратно, открыл, жадно сделал несколько глотков и с наслаждением выдохнул:

– Ох! Хорошо-то как! Бусыгин, хлопнешь рюмашку?

– Спасибо, Виктор Васильевич, не хочется, – среагировала Катя, не отрывая взгляда от экрана монитора. Она давно привыкла к тому, что в общении шеф частенько использовал

цитаты из отечественных кинофильмов. Привыкнуть было нетрудно, поскольку кинематографические вкусы у них в целом совпадали. Даже невзирая на то, что разница в возрасте Смолова и Кати составляла почти двадцать лет. Целое поколение, между прочим.

– А я люблю, когда работаю, – закончил каноническую фразу Смолов. В один присест он высосал пиво, метко швырнул смятую жестянку в мусорную корзину и шумно упал на старенький диван.

– Что-то вы слишком долго заседали. Толк-то был? – поинтересовалась Катя. При этом, по-прежнему не оборачиваясь, она продолжала сосредоточенно стучать по клавиатуре.

– Да какой там, на хрен, толк? Вместо того чтобы делом заняться, битый час слушали бредовые версии главковских аналитиков. Если бы не периодически выдаваемые Колюней перлы, задремал бы стопудово.

– Так вот зачем «опушник» нарисовался?! Всё никак не успокоятся, пытаюсь доказать, что их служба тоже не лаптем щи хлебает?.. А хотите, я угадаю, какую версию они предложили? Похищение девушки может быть связано с профессиональной деятельностью ее отца. Так?

– Ну, что-то типа того. По их данным, у папашки этого героического какие-то проблемы с акциями-шмакциями, эмиссиями-комиссиями. И потому неизвестные злодеи якобы и замыслили доченьку похитить, дабы тем самым на папашку непокорного надавить. Оно, конечно, может, так все и было. И, может, я чего-то не понимаю, но... При чем здесь тогда требование выкупа? Да еще столь пошлая сумма? Граждане решили и выпить, и бутылки сдать? Ежели так, то, на мой стариковский взгляд, они – полные идиоты. Самоуправство и похищение человека – гремучая смесь в одном флаконе. Хотя... Может, все проще? Может, действительно банальные отморозки?

– Меня тоже сумма выкупа настораживает. – Катя поставила точку, отправила документ на печать и только теперь повернулась к Смолову, лихо крутанувшись в своем кресле. – И еще кое-что...

– Ну давай, не томи, рассказывай. Сейчас, я только пиво себе возьму. Кстати, ты точно не будешь? Я на тебя рассчитывал.

– Во-первых, от пива толстеют. Во-вторых, согласно распоряжению подполковника Стрельникова, распитие спиртных напитков, равно как приравненных к ним, в рабочее время и на рабочем месте карается нещадно и беспощадно. В-третьих...

– А, в-третьих, лейтенант Востроилова, перестаньте читать нотации начальству и переходите к делу. Родина ждет от нас подвига. В конце концов, пока вы тут упражняетесь в остроумии, несчастная выпускница школы томится в грязных лапах злоумышленников. И, скорее всего, лапы эти немыты, ошпарены и отморожены. Короче, докладай: телефон Капраловых на прослушку поставили? Интересные звонки были? Похитители не объявились? Симку Лены отследила?

– Поставили. Не было. Не объявлялись. А вот относительно несчастной выпускницы, как мне кажется, вы немного преувеличиваете.

– А вот с этого места прошу поподробнее, – оживился Смолов. – Поясни?

– Мы отследили маршрут передвижений Лены за последние шестнадцать часов. В клубе «России» ее не было. Это раз.

– Это точно?

– В 20:15 она позвонила домой со своего мобильного, находясь в районе станции метро «Площадь Александра Невского». Затем двигалась по Невскому и примерно в 20:50 оказалась в районе улицы Думской. В этом квадрате она пробыла часа полтора, после чего отключила мобильник.

– А до какого часа у нас работает «Гостиный Двор»? – перебил ее Смолов.

– Я проверила – шопинг исключен, универмаг работал до девяти. К тому же в наше время только гости города и разные обсосы одеваются в Гостинке. Это неприлично.

– Почему?

– Вам, Виктор Васильевич, слишком долго объяснять, – язвительно заметила Катя. – Так вот: через «полицейский режим» удалось установить, что в этом квадрате Лена находилась вплоть до половины пятого утра. А коли так, есть всего лишь одно более-менее нормальное место, куда в прайм-тайм, то бишь в пятницу, могла пойти тусоваться на всю ночь модная девушка.

– И что это за место?

– Думская, 9. DJ-бар «Дача».

– Ты уверена?

– Почти на все сто.

– Надо звонить Травкину. Пусть поедет проверит сам или заряжает на это дело Колюню. Да, постой, ты сказала, до половины пятого, а потом?..

– А потом она двигалась исключительно и строго на север.

– Машина?

– А ни на чем другом в такую пору до Кавголово не доберешься.

– Кавголово, говоришь? Но ведь еще есть вариант с электричкой?

– Ну, Виктор Васильевич...

– Ах да, «на электричках в наше время ездят только гости города и разные обсосы». Ну что ж... Кавголово, безусловно, существенно сужает круг поисков, но тоже не подарок. Сколько там может быть дач? Пара тысяч, как минимум. Но в любом случае, пора докладывать.

– Подождите, Виктор Васильевич, есть еще один интересный момент.

– Блин, Катя, если ты мне сейчас скажешь, что вычислила похитителей, я сразу сажусь писать рапорт об уходе на пенсию. Ибо мне в этом кабинете решительно больше нечего делать.

– Успокойтесь, гражданин начальник, вам еще удастся принести пользу родине. Я всего лишь на скорую руку проанализировала биллинг Лены за последнюю неделю и обнаружила, что чаще всего та звонила на трубки некоей Афанасьевой Риммы Сергеевны, 1958 г. р., и Ольги Ключевой, 1989 г. р. Я решила набрать их наудачу и поспрашать о Лене.

– И?..

– Первая оказалась вне зоны действия сети. Ну да эта тетка нам не так интересна. В отличие от Ольги, ровесницы Лены, которая еще и проживает неподалеку. В общем, я дозвонилась, представилась подругой и наплела, что ищу Лену по важному делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.